КРОКОДИЛ

— А мы монтажники-высотники,
и с высоты вам шлем привет!

Рисунок
Юрия ЧЕРЕПАНОВА

Неприкосновенная лужа

— Ну, знаете, это уж слишком,— раздраженно буркнул начальник железнодорожного цеха Ждановского горно-обогатительного комбината, выливая из ботинка мутную жижу. Теряя самообладание, он сказал заместителю:

— Засыпать!

— Слыхал? — говорил бледный от волнения заместитель начальника цеха в телефонную трубку.— Наш-то приказал лужу засыпать.

— Ну! — испуганно воскликнул на другом конце провода мастер.— Как же теперь производственный план выполнять будем?

Неизвестно, чем бы все это кончилось. Но поостывший начальник цеха вскоре сам позвонил заместителю.

— Погорячился я... Ты, знаешь, отмени насчет лужи-то...

Вас, дорогой читатель, конечно, заинтересовало, что это за неприкосновенная лужа. Лужа самая обыкновенная, но только в отличие от прочих луж она вот уже десять лет выполняет функции экипировочного пункта для заправки тепловозов водой.

Десять лет руководители цеха собираются засыпать лужу и построить экипировочный пункт, но начало его строительства пока на луже вилами писано.

В. ШЕЛЯСТИН

г. Заполярный, Мурманской области.

Счастье начинается с шеи...

Хочу поделиться самым главным событием в моей жизни. Рассказать о том, как я нашла достойного мужа.

Все получилось неожиданно. Ухаживали за мной два парня, Сеня и Вова. Долго я ломала голову, не знала, кого выбрать. А потом меня и осенило... Говорю им: идите оба в салон для новобрачных. Вы принарядитесь, а я на вас посмотрю. Кто мне больше понравится, за того и пойду.

Приходит к вечеру один Вова. В новенькой рубашке, очень довольный.

— Сеню не жди,— говорит,— у него шея тоненькая. Через нее он теперь неудачник. В салоне для новобрачных самый меньший размер рубашки — сорок четвертый.

И я подумала: значит, судьба! Подали мы заявление, а потом я говорю:

— Ты подожди, я схожу в салон — туфли себе куплю.

— Какой у тебя размер?

— Тридцать пятый,— отвечаю.

— Мелковат для невесты нашего города,— скептически замечает Вова.— В салоне предусмотрены только с тридцать восьмого. Ну да ладно, мы не гордые, обойдемся без туфель...

Такой добрый он оказался человек... Пошли мы в загс, расписались. Живем мирно, ни разу даже не поссорились. А все почему? Да потому что шея у Вовы оказалась подходящей.

Таня СИВЦЕВА

г. Орск, Оренбургской области.

Комиссионная химчистка

Дорогой Крокодил, ты, наверное, думаешь, что химчистка существует для этого: сдаешь вещь грязную, а получаешь чистую. До недавнего времени так наивно считала и я. До тех пор, пока не сдала в чистку свой костюм на фабрику № 22 объединения «Чайка».

Сначала, правда, все шло гладко. Приемщица Л. Васильева даже приветливо воскликнула:

— Ах, какой хорошенький костюмчик!

Но мои попытки получить обратно так понравившийся приемщице костюм ни к чему не привели. Безуспешным оказался и визит на фабрику, к главному инженеру З. Гороховой. В конце концов я получила из химчистки не костюм, а денежный перевод. Так как оказалось, что мой костюм украден. Только и всего...

Вот я и думаю теперь: почему такое новшество в обслуживании клиентов — совмещение функций химчистки и комиссионного магазина — неизвестно широкой публике!

В. ГЛЕБОВА

Москва.

КТО КОМУ!

Глубоко вникнув в нужды пассажиров, администрация станции Кандалакша Октябрьской железной дороги несколько лет назад организовала предварительную продажу билетов. В порядке доброй услуги.

Уплатив только тридцать копеек, пассажир избавлялся от всех забот. В канун отъезда он мог спокойно разглядывать на свет компостерные дырочки на билете вместо того, чтобы маяться в душном кассовом зале.

В нынешнем году вокзал Кандалакши сделал следующий шаг навстречу пассажирам: билеты стали продаваться с доставкой на дом.

Правда, по телефону заказ не принимают. Пассажир должен прийти на вокзал самолично, чтобы внести свою фамилию в список. Потом в течение двух или трех дней ему надлежит являться на утреннюю перекличку. Затем в особой кассе ему вручат бумажку с номером заказа. С этой бумажкой пассажир направляется из особой кассы в обычную, где и получает свой выстраданный, выхоженный, вожделенный билет.

Вот и все. В заключение пассажиру остается только уплатить полтинник в обмен на квитанцию, где типографским способом отпечатано: «Получено с гр. такого-то за оказанные услуги».

Надо полагать, за услуги, оказанные железной дороге этим самым «гр.».

Б. БОРИСОВ

Все-таки обидно, товарищи. Обидно и досадно до слез и до мучений. Обидно бывает, когда поросенка съешь, а хвостом подавишься.

Я имею в виду рекламу. Товар хороший делать можем. Подать его — не можем. Взять хотя бы конфеты, выпускаемые Карасукским пищекомбинатом для наших дорогих детей.

К содержимому я претензий не имею. Леденец, прямо скажем, на уровне мировых стандартов. А по длине даже их превосходит, достигая 16 см.

Зато обертка... Нет в ней выдумки, полета. Судите сами, вот что на ней написано:

«УЛЬТРАМАРИНОВАЯ СИНЬКА Таблетку завязать в ткань и подсинить воду. Вес 45 гр. цена 6 коп. МХП СССР Ленбытхим Лужский завод».

Какого ребенка привлечет такая обертка? А ведь, проявив минимум фантазии, можно было бы придумать что-нибудь увлекательное, броское.

Пусть синька, пусть ее надо сосать сквозь ткань, но пусть она называется «НУ-КА, ОТСИНИСЬ!». И ребенка от конфеты за уши не оттащишь!

А еще лучше — стихи. Предлагаем хотя бы такие:

Эй, детишки, Ваньки, Миньки,
Покупай конфеты «Синька»!
Дяди думали над ней:
Съел конфету, и — синей!

Успех гарантируем.

У. М.

НАЧИНАЙ СНАЧАЛА...

В городе Астрахани есть школа № 11. Стоит эта школа на видном месте, но вид имеет неприглядный, даже устрашающий.

Да и вполне естественно, что вид ее неказист. Ведь ремонтировали школу еще на заре туманной юности — в сороковых годах...

И что примечательно — никто не прочь заново отремонтировать ее. Исполком горсовета одобряет и санкционирует. Трест Горремжилкоммунстрой, которому поручено это благое дело, тоже не возражает. А дело ни с места...

Шли годы, и наконец в прошлом году заместитель председателя исполкома горсовета И. Шалыгин и главный инженер треста Л. Мидонов в один голос заявили, что «ремонт будет произведен в текущем году».

Но не скоро дело делается. Это как нельзя лучше доказал трест. Все ему чего-то не хватало... И вот в декабре 1968 года выяснилось, чего именно. По свидетельству завгороно тов. Андреевой, деньги на ремонт выделялись и в 1967 и в 1968 годах, но «не использовались из-за отсутствия настойчивости директора школы». Вот и в 1969 году деньги на ремонт опять выделены.

Хватит ли настойчивости у директора школы на сей раз? Кто знает...

В. С.

К НУЛЮ

Культобслуживание работников совхоза «Уяаратяз Молодчоки» (Кировский район, Талды-Курганской области) на участке Каратала давно уже приняло округлые формы. Оно сведено к нулю.

Была стационарная киноустановка. Ликвидировали киноустановку. Были в клубе музыкальные инструменты. Ликвидировали музыкальные инструменты. Были настольные игры. Ликвидировали настольные игры.

Зато местной молодежи предоставили возможность коротать досуг писанием заявлений и жалоб директору совхоза тов. Калиеву и управляющему участком тов. Югаю. Это — единственное оставшееся ей развлечение, зато оно неисчерпаемо, ибо ни на одно письмо ответа так и не поступило.

Р. БЕРКОВСКИЙ

ОГУРЧИКИ В БАРНАУЛЕ

есть. Свеженькие. Но и солененькие тоже.

Вот и возникла за ними возле овощного ларька небольшая очередь. И потом сильно удлинилась.

Это на крытом рынке произошло, а ларек был государственный. Барнаульцы вообще впадают в крайности по отношению к своим овощным магазинам. То совсем в них не ходят, а то торопятся узнавать, кто крайний.

Стоят они это возле ларька, разговаривают кто о чем, а по сторонам разный частник вскрикивает:

— А вот огурчики! А вот продаются!

Ну ему и сказали:

— Не мешайте стоять в очереди!

Ну и замолк он.

А в очереди то да се происходит: события обсуждают, дама с собачкой играет, физик лирику читает...

Между тем к ларьку грузовик подкатил. Стали про него думать: зачем он такой пустой тут нужен? А на него между тем грузчики принялись ящики с огурчиками ставить, а также с помидорчиками, а также морковку. Морковку, правда, мешками грузили. Тогда думать перестали. Взволнованность с шумом проявили.

— Исходя из каких соображений базарите? — удивились грузчики.— Не мешайте нам, товарищи, овощи увозить!

А шум не тихнет.

— Свинство какое! — возмущается дама с собачкой.

— Не допустим! — вторит толпа.

— Вот тебе и раз! — кричит физик.

Грузчики объясняют, что овощи нужны для дела для важного. В магазине «Светлана» им сейчас место. Этот магазин сейчас фотографировать будут, а на полках — хоть чем хочешь покати. Никакой фотогеничности. Увидят снимки в Ужгороде или в Москве, к примеру, подумают, будто в Барнауле нету фруктов и овощей.

После этого сообщения вместо большого шума стал небольшой шум потому, что грузовик уехал и все увез, и потому, что часть толпы следом за ним в «Светлану» побежала.

— А вот огурчики! А вот продаются! — воспрянул со всех сторон частник. О другом фрукте-овоще также раздались голоса.

И тогда оставшиеся купили конвертик, бумажки и написали коллективное письмо в редакцию.

Письмо о том, как в Барнауле есть огурчики. А также о том, как и другой фрукт также есть.

Есть, да и только.

П. МАШКИН

Если пойманная рыба молчит, это еще не значит, что ей нечего сказать.

В. ГОЛОБОРОДЬКО

Виктор ФОТЕЕВ

А званье осталось

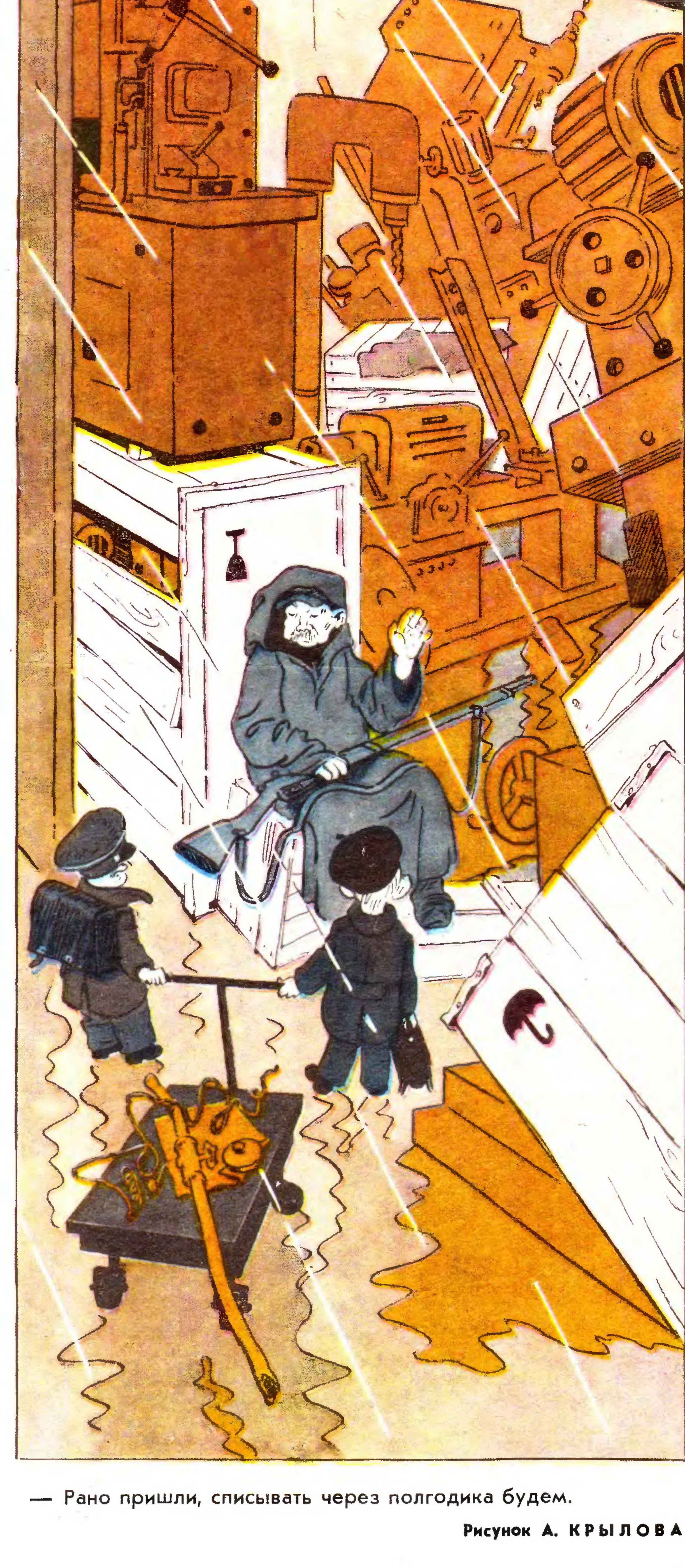
Решили в стройтресте
не «галочки» ради
Высокое званье
присвоить бригаде.
Решили, что вовремя,
не рановато:
Отлично трудились
в бригаде ребята,
Две нормы давали
и крепко дружили,
Дежурили вместе
в народной дружине,
И в школе вечерней
все рядом сидели,
Всех лучше
в ансамбле строителей пели.

Повсюду хвалили
бригаду стройтреста,
Повсюду ей было
почетное место.
Решенье стройтреста —
за труд их награда!
И коммунистической
стала бригада.
А с присвоеньем
высокого званья
Повысилось вдвое
к бригаде вниманье:

Квартиры дают
(общежитье — негоже!),
Путевки дают им
и премии тоже,
Преследуют их
репортеры упрямо,
О них киноочерк
и телепрограмма,
Висят их портреты
на досках почета,
О них, по инстанции,
пишут в отчетах!..

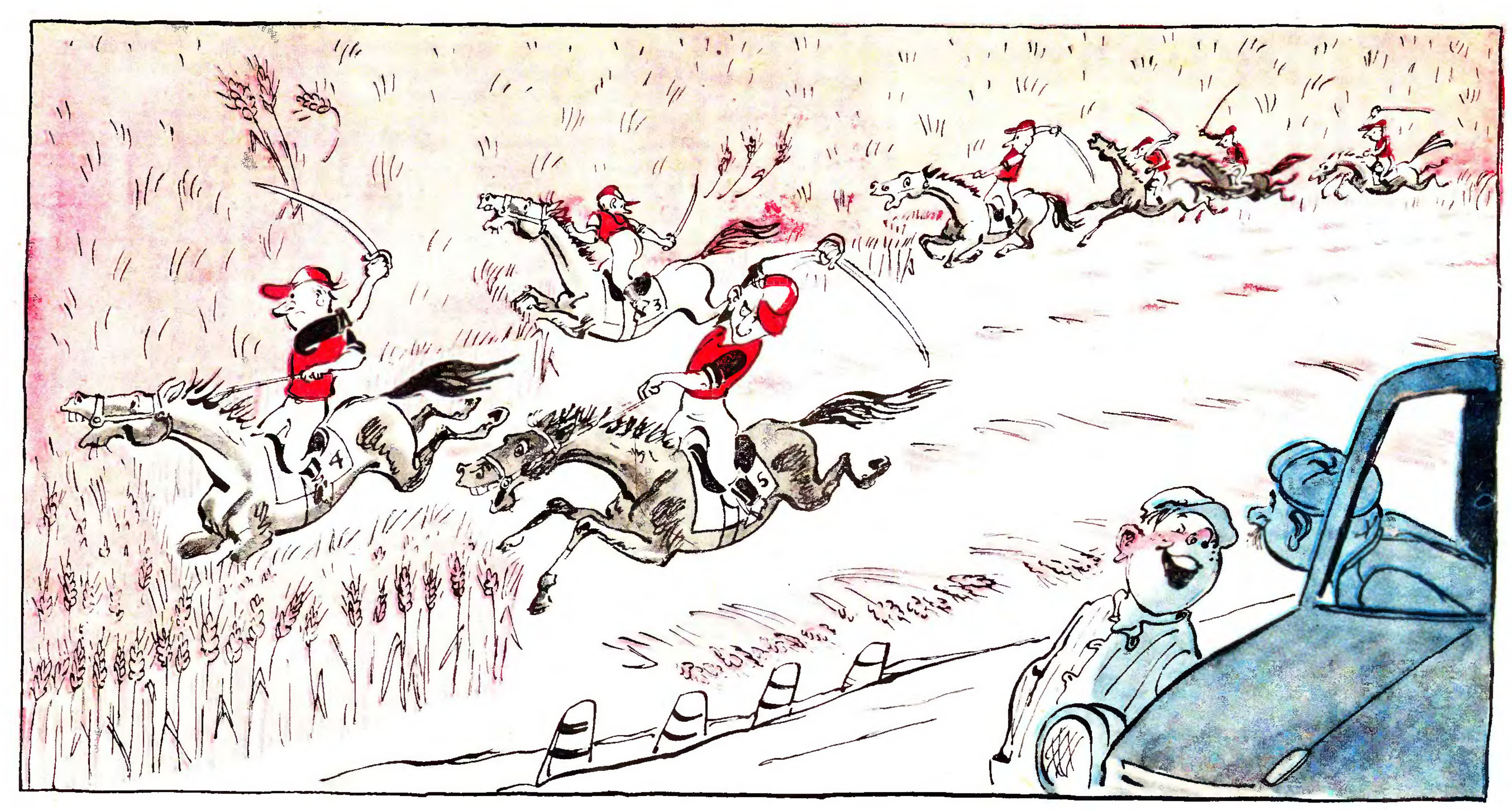
Быть может, гремели б
фанфары и дале,
Но... в школу ребята
ходить перестали.
Причина?
Свободного времени нету:
Собрания, съемки,
поездки, банкеты,
Заброшен и хор,
и забыта дружина,
Давали две нормы,
теперь — половину,

И брак появился,
и дружба распалась...
А званье? А званье,
представьте, осталось,
Поскольку решил
из инстанции кто-то
Не портить и впредь
благозвучных отчетов...
Поскольку со званьем таким
коллектив
Инстанциям
тоже запишут в актив.

— Рано пришли, списывать через полгодика будем.

Рисунок А. КРЫЛОВА

— Это шефы с конного завода помогают нам убирать урожай.

Рисунок А. ЕЛИСЕЕВА и М. СКОБЕЛЕВА

Андрей НИКОЛЬСКИЙ

В НОВОМ ДОМЕ

Это, может быть, в другие журналы авторы присылают положительные материалы. А в «Крокодил» пишут все больше о своих бедах. Там воды нет, там света, там крыша прохудилась. Довольно однообразная тематика. И поднадоела она нашим читателям изрядно. Им хочется, чтобы «Крокодил» находил какие-то новые неурядицы. Чтоб было над чем посмеяться. А где их взять?

И вдруг, понимаете, среди этого однообразия не так давно стала проглядывать новая тема. И заключается она в том, что соседи, даже в отдельных квартирах, продолжают ссориться между собой.

Откровенно говоря, мы в редакции сначала никак не могли понять, в чем дело. Понятно, когда люди конфликтуют в коммунальной квартире. Они там на кухне общаются. А по данным статистики, на каждую коммунальную квартиру положено полтора склочника и один нервнобольной. Ну там, ясное дело, бывают склоки и все такое. А какие же неурядицы могут возникать в отдельной квартире? И что же это за такое злонамеренное существо человек, который даже через стенку находит поводы для ссор?

А жалобы тем временем продолжают поступать, и тема прорисовывается все отчетливее. И попутно даже выявляются пикантные детали: склочничают зачастую такие высокоинтеллигентные люди, от которых этого никак нельзя ожидать. Можно еще понять, когда один не очень культурный человек обругает другого. Или сгоряча применит рукоприкладство. В этом нет темы для фельетона. В крайнем случае это тема для товарищеского суда.

Но когда распря разгорается между какими-нибудь учеными мужьями, то как-то становится грустно. То ли бывает жалко денег, которые государство затратило на их образование, то ли обидно за ту прослойку, на которую эти интеллигенты бросают тень.

А главное, непонятна причина самого явления. Но тем не менее понять надо. Или хотя бы попытаться.

Вот, например, по горячим следам возьмем дом № 60/1 по Ленинскому проспекту Москвы. Дом первой категории, и живут в нем преимущественно научные работники. В здешнем домоуправлении насчитывается 20 академиков, 40 членов-корреспондентов, а профессорам вообще счет потеряли. Они ходят по двору целыми толпами, и на них даже никто не обращает внимания.

И вот представьте, что на одном из этажей живут две интеллигентные семьи. В одной квартире — пенсионер Добровольский со своей семьей, а в соседней — доктор экономических наук Козик тоже со своей семьей. И все было бы прекрасно, если бы дочь Добровольского не преподавала в консерватории. Она учит там играть на фортепиано, а дома, естественно, упражняется сама.

И это было бы полбеды. Но у дочери есть муж, который, в свою очередь, преподает в музыкальном училище при консерватории. А дома тоже упражняется на том же самом инструменте. Короче говоря, бывают дни, когда рояль в квартире Добровольских работает с полной нагрузкой.

А за стеной живет профессор Козик, которому музыка мешает решать разные экономические проблемы.

И вот вам, товарищи, конфликт.

Упаси нас бог от соблазна описывать его в хронологической последовательности. Не доведи также стать на чью-либо сторону, ибо выяснить, кто прав, кто виноват, одному человеку сейчас уже невозможно. По словам профессора Козика, этим вопросом занималось свыше 400 комиссий, и все без толку. Как вы понимаете, проверить эту цифру невозможно, но и не доверять ей нет оснований. И даже уменьшенная вдвое или пускай в десять раз, она все равно производит внушительное впечатление. Сколько ученых людей, включая даже (подумать только!) президента Академии наук СССР, вынуждены были выслушивать эту историю! А такие инстанции, как товарищеский суд, райисполком, райком партии, Мосгорисполком, университет, разные депутатские комиссии, они просто мелькали, как в калейдоскопе, делая выводы и давая рекомендации. А что они еще могли сделать, когда в своих претензиях обе стороны по-своему правы.

Могут Добровольские музицировать в положенное время?

Да, товарищи, могут.

Могут ли Козики терпеть это музицирование?

Нет, товарищи, не могут.

Если полистать многочисленные акты, то привлекает внимание фраза, что Добровольские играют в не приспособленном для игры помещении.

Что это значит?

Это значит, что дом № 60/1 хотя и первой категории, но новостройка. А для тех, кто не знает, можно рассказать, что такое новостройка.

Был такой период, когда автор тоже жил в подобной новостройке, хотя и не первой категории. Над ним жил маленький мальчик Вася. И у этого Васи имелась маленькая пуговичка. Скорее всего от штанов. И Вася регулярно ронял эту пуговичку на пол.

А автор, который жил этажом ниже, только и делал, что напряженно ждал, когда Вася уронит эту пуговичку. А когда тот ронял, то автор подпрыгивал чуть ли не до потолка, хотя морально был подготовлен к этому событию.

Потом Вася подрос и стал ронять уже большую пуговицу от пальто. Ну тут автор не выдержал и съехал с квартиры. Сейчас он блаженствует в старом доме. И больше всего боится, что этот дом за ветхостью снесут и он опять попадет в новостройку.

И вот, если хотите, напрашивается такой вывод: новые дома зачастую строили, как бы не учитывая, что в них будут обитать живые люди. Звукопроводимость в них такова, как будто там должны были жить, простите за дерзкую мысль, неживые люди. Такие, которые сами шума не производят и на окружающее не реагируют.

А живой человек иной раз играет на рояле. А если он почему-либо не играет на рояле, то играет на магнитофоне или на телевизоре. И какой вариант хуже, наука на это пока ответа не дала.

А тем временем конфликт между двумя упомянутыми интеллигентными семьями уже крепко пооброс малосимпатичными актами, жалобами, оскорблениями и прочим проявлением обоюдной ненависти.

Но я лично ни к кому из сторон не чувствую неприязни. Мне кажется, что люди просто попали в такие сложные условия. И, будь на их месте ангелы, они тоже стали бы драть друг у друга перья из крыльев.

Но люди не ангелы. И их следовало бы разделять перегородочками потолще.

г. Москва.

Михаил ВЛАДИМОВ

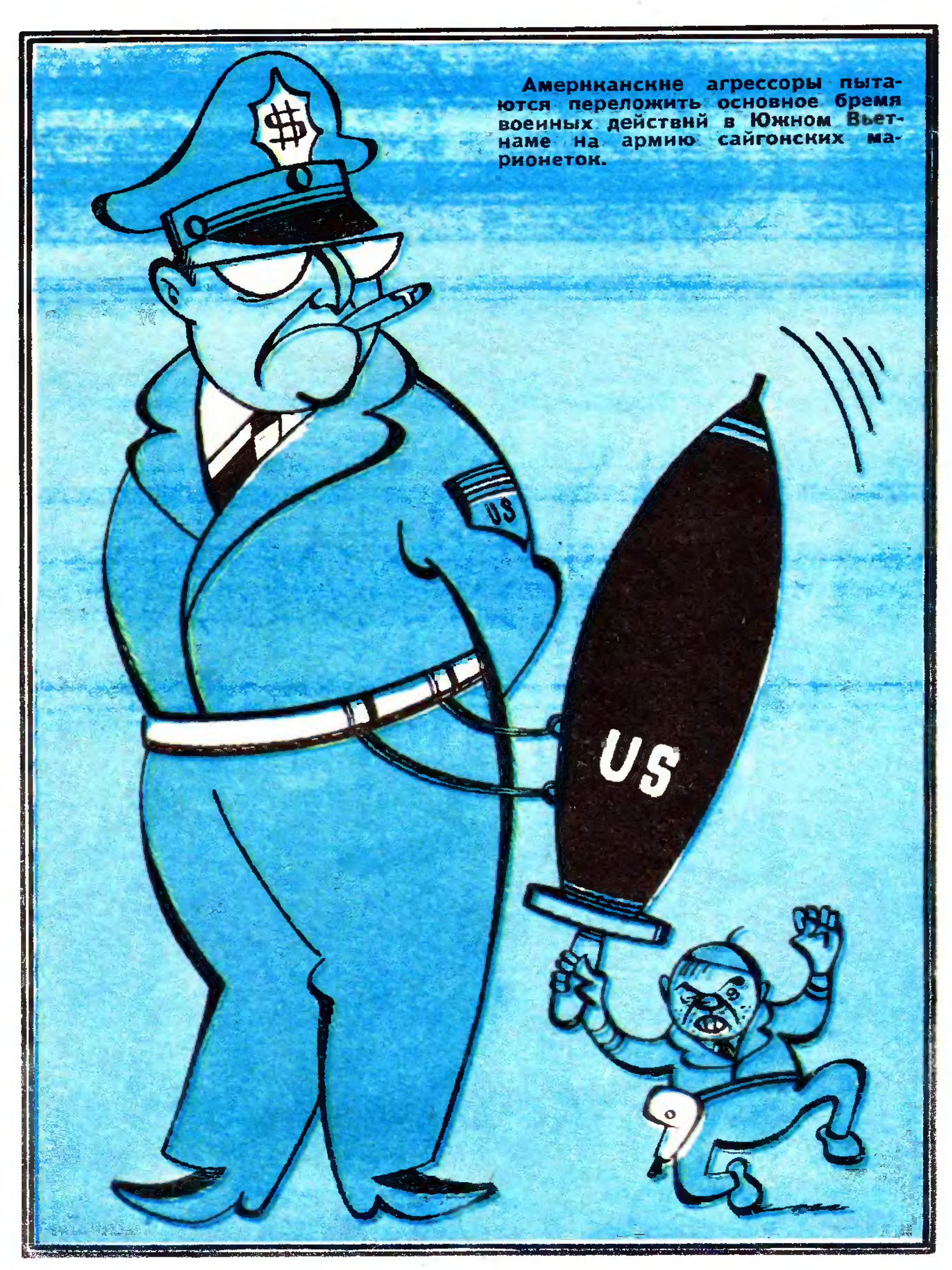
ИДЕАЛЬНЫЙ ПОЛИСМЕН

Внедряя максимально
Технический прогресс,
Полиция буквально
Приобретает вес.
Железные тевтоны
Идут сквозь камнепад,
Неся пуды и тонны
Щитов, кольчуг и лат.
К гранатам, пулеметам
Вдобавок — водомет.
А каска новой моды
Почти что мини-дот!
Но денежки — как в прорву,
Но техника не впрок:
Сметает все заторы
Бастующий поток.
...Чтоб ярче процветала
Конструкторская мысль,
Щедроты капитала
Обильней полились.
И в экспериментальном
Бюро «Техсупермен»
Был новый, идеальный
Придуман полисмен.
Он цельнометалличен
От темени до пят.
К ладони нож привинчен,
К предплечью — автомат.
Сидит динамик в глотке,
Сверкает взгляд стальной.
Извилины-обмотки
В коробке черепной.
С высоким напряженьем
Протянут кабель вслед...
Одно прикосновенье —
И «красных мыслей» нет!

Новинку испытали.
И дней через пяток
К «бунтовщикам» послали
В забастовавший док.
Послушен максимально,
Феноменально смел
Был новый, идеальный
Железный полисмен.
Рабочих избивая
С усердием двойным,
Полиция живая
Легко пошла за ним,
Победу торжествуя...
И вдруг в какой-то миг
Он брык на мостовую.
Погас. Обмяк. И стих.

Ах, без электротока
Пришел ему конец!

То, помогая докам,
Забастовала ТЭЦ...

Американский проект «вьетнамизации» войны.

Рисунок М. ВАЙСБОРДА

КРЫСЫ

Владимир НИКОЛАЕВ

В наше время туризм стал необычайно популярен. С недавних пор повальная страсть к путешествиям охватила даже таких занятых людей, как сайгонские правители. В этом году, например, по сравнению с прошлым количество лиц, получивших визы на выезд из Южного Вьетнама, возросло на шестьдесят процентов. В первых рядах туристов идут сами представители сайгонской клики и их многочисленная родня. Они ездят солидно, с размахом. Например, супруга марионеточного южновьетнамского президента Нгуен Ван Тхиеу во время поездки приглядела себе в Швейцарии виллу и купила ее. А в Италии ей так понравилось, что она оставила там троих своих детей и в Сайгон возвратилась одна. Ее подруга, жена начальника штаба марионеточных войск Као Ван Вьена, устроила своих троих детей на жительство в Швейцарии.

Но не только дети высокопоставленных сайгонских марионеток предпочитают заморский климат. Многие вполне взрослые южновьетнамские подданные, получив однажды выездную визу, в другой раз за ней уже не обращаются, поскольку они больше в Сайгон — ни ногой. Местная статистика повествует о том, что еженедельно из Южного Вьетнама выезжает в официальном порядке около четырехсот человек и половина из них назад не возвращается. Так, сайгонский министр информации Фам Суам Тхай был направлен в Париж на проходящие там мирные переговоры, а когда его отозвали в Сайгон, он предпочел остаться во Франции. Его коллега, член так называемого южновьетнамского парламента Хо Ху Тьюнг, полгода мотался по Франции в качестве туриста, а потом обосновался там навсегда вместе со своей подругой, предусмотрительно вывезенной из Южного Вьетнама. Помощник южновьетнамского военного атташе в Таиланде самовольно покинул свой пост и начал в Бангкоке карьеру бизнесмена в области хлебопечения.

Менее именитым южновьетнамским деятелям получить выездную визу нелегко. Во-первых, хотя бы потому, что она просто дорого стоит. И дело не в официальном денежном сборе, а в ее неофициальной, так сказать, рыночной цене. В Сайгоне, который погряз в трясине коррупции, все продается и покупается, в том числе и разрешение на зарубежный вояж.

В данном случае прейскурант весьма условен. Все зависит от конкретных обстоятельств, то есть от финансовых возможностей заинтересованных в путешествиях лиц и от аппетитов правительственных чиновников. Например, одной состоятельной паре удалось отправить свое чадо в Италию за 16 700 долларов. Недешево! Правда, без всяких удобств можно выбраться из Южного Вьетнама в корабельном трюме. Такса — 1 100 долларов.

Среди южновьетнамских туристов преобладают мужчины цветущего призывного возраста. Сайгонские власти в связи с этим издали приказ, по которому мужчинам этой возрастной категории разрешение на зарубежную поездку дается только в том случае, если есть ручательство двух офицеров в ранге не ниже майора. Но и здесь любители дальних странствий нашли привычный выход из положения: теперь такое поручительство покупается в Сайгоне за 550 долларов.

В печать просочились любопытные высказывания одного официального лица из сайгонского министерства внутренних дел. В беседе с американским журналистом он сказал: «Если бы мы обнародовали данные о том, сколько южновьетнамских граждан осталось за границей, то разразился бы невероятный скандал, который, кстати, лишил бы меня самого шансов выбраться когда-нибудь отсюда».

Еще любопытнее признание другого сайгонского чиновника, также приведенное в американской прессе: «Мы могли бы, конечно, посылать за границу агентов нашей разведки, чтобы они вылавливали наших беженцев. Но мы боимся, что агенты сами будут оставаться там».

Давно дал течь прогнивший корабль южновьетнамских марионеток. Он медленно, но верно идет ко дну. И, как положено в таких случаях, с корабля бегут крысы.

Евгений ШАТРОВ

КАК УЗНАЮТ НАТОВЦЕВ

С любым натовским генералом может произойти в Бельгии история, похожая на случившуюся с чеховскими персонажами в бане. Вы, конечно, помните, как приняли там цирюльника Михайлу за банщика и разобидели криком: «Эй, фигура, поддай пару!» — а он, в свою очередь, принял отца дьякона за вольнодумца. И все потому, что оба были в голом виде.

Опознать генерала из НАТО бельгийцам тоже не так-то просто. Ведь эти генералы предпочитают оставлять свои мундиры если не в предбанниках, то в служебных кабинетах или дома, а на людях появляются в партикулярных пиджаках. Генеральскому примеру следуют натовские офицеры, примеру офицерскому — сержантский и рядовой состав. Вот и получилось, что одних только американских военных насчитывается сейчас в Бельгии 40 тысяч, но их не видно, они закамуфлировались под местных жителей, под туристов, слились с уличной толпой.

Да, взглянуть в лицо людям из НАТО рядовым бельгийцам было бы по меньшей мере любопытно! Только как узнаешь их под штатскими пиджаками? Но, представьте себе, начинают узнавать. За три года пребывания в Бельгии руководящих органов Североатлантического блока население этому научилось.

На знаменитом курорте Остенде всем показывают улочки, называемые местным Монмартром. Приезжающие к морю на уикэнд молодые натовцы регулярно устраивают здесь драки «из-за девочек».

— Да, может, они и не натовцы? — сомневается какой-нибудь турист.

— Будьте уверены, медам и месье, самые настоящие натовцы! — успокаивает гид.— Принадлежность дерущихся к НАТО не раз устанавливалась нашей полицией.

В то время, когда бравые полисмены устанавливали склонность натовцев к уличным потасовкам, хорошо знающие свое дело бельгийские детективы выявляли и другие характерные для военнослужащих НАТО черты. По этим чертам их теперь нередко узнают.

Вот в крупнейшем брюссельском универмаге «Пчелиный улей» возле выставки норковых манто стоит среднего достатка бельгиец и с нескрываемой грустью разглядывает цены. Вдруг рядом возникает плечистый джентльмен и шепчет, что огорчаться не стоит. Он, этот широкоплечий, может предложить такие же манто гораздо дешевле. И целую партию узорчатых норвежских свитеров. И английскую обувь, если угодно. Все по ценам, значительно ниже существующих, поскольку товар привезен без всякой пошлины.

«Почему бы и нет?!» — размышляет бельгиец. Он уже смекнул, с кем имеет дело. Он знает из полицейской хроники, кто вместе с военными грузами провозит в страну контрабанду.

А на соседней улице владелец антикварного магазина безошибочно узнает сотрудника НАТО в человеке, предлагающем старинный фарфор, редкостный ковер или картину кисти известного художника. И эти предметы роскоши доставлены в Бельгию, как догадывается антиквар, то ли вместе с боеголовками, то ли в одних контейнерах с армейскими башмаками.

В портовых притонах Антверпена наркотики пользуются спросом куда большим, чем пиво или кофе. Да если бы только в портовых, и в одних антверпенских! К примеру, в городе Льеже потребление героина и марихуаны, по авторитетным данным местной полиции, выросло за последнее время вдвое. Дурманящее зелье можно купить из-под полы и в переулках, чуть ли не рядом с главной площадью бельгийской столицы — блистательной Гран-плас.

Пресса считает, что распространению в стране наркомании активно содействуют американские военнослужащие НАТО. Не один десяток янки, так или иначе связанных с героиновым бизнесом, уже пришлось выдворить из Бельгии. А сколько их еще осталось! Вот почему бельгиец в любом субъекте, соблазняющем его побаловаться наркотиком, вправе заподозрить натовца.

С недавних пор в Брюсселе легче всего и наверняка стали узнавать под штатской одеждой греческих офицеров. Тех самых, что представляют в штабах НАТО хунту черных полковников. Как ни странно, эффекту узнавания в данном случае способствовала в какой-то степени секретная служба самих же афинских реакционеров.

Несколько месяцев назад греческая разведка—асфалия — подбросила военным атташе посольств Греции в Риме, Париже, Вене, Бонне и Лондоне очередную директиву. Ее копию один греческий патриот с риском для жизни передал газетам. Оказалось, что асфалия потребовала принять срочные меры против проживающих в Западной Европе греческих граждан, оппозиционных к нынешнему афинскому правительству.

Для того, чтобы подавить в зародыше проявление такой оппозиционности со стороны рабочих, студентов и политэмигрантов, военным атташе рекомендовалось не очень-то миндальничать. Надлежит действовать в лучших современных традициях дипломатии плаща и шпаги, прибегать к любым мерам — от убийств и похищений до вульгарных подкупов.

В Бельгии живут десятки тысяч греков. Однако кто же будет проводить среди них грязную работу, если военного атташе Греции в Бельгии не имеется?

На этот вопрос ответила в одном из своих сентябрьских номеров бельгийская газета «Валлони». Она утверждает, что за политическое гангстерство на территории чужой страны взялись члены греческой миссии в штабе НАТО. И что греческие военные, напялив на себя штатские костюмы, шатаются теперь в районе брюссельского Южного вокзала.

Понятно, почему их понесло именно сюда! У Южного вокзала тянутся кварталы, заселенные интернациональной беднотой. В маленькие, скромные заведения, где собираются греки, и стали заглядывать натовцы, приступившие к выполнению циркуляра из Афин.

Сидящие за стаканом или чашкой люди узнают их быстро. Узнают по холеным офицерским физиономиям, по брезгливым манерам, по неуклюжим провокационным разговорам, которые обычно затевают эти господа.

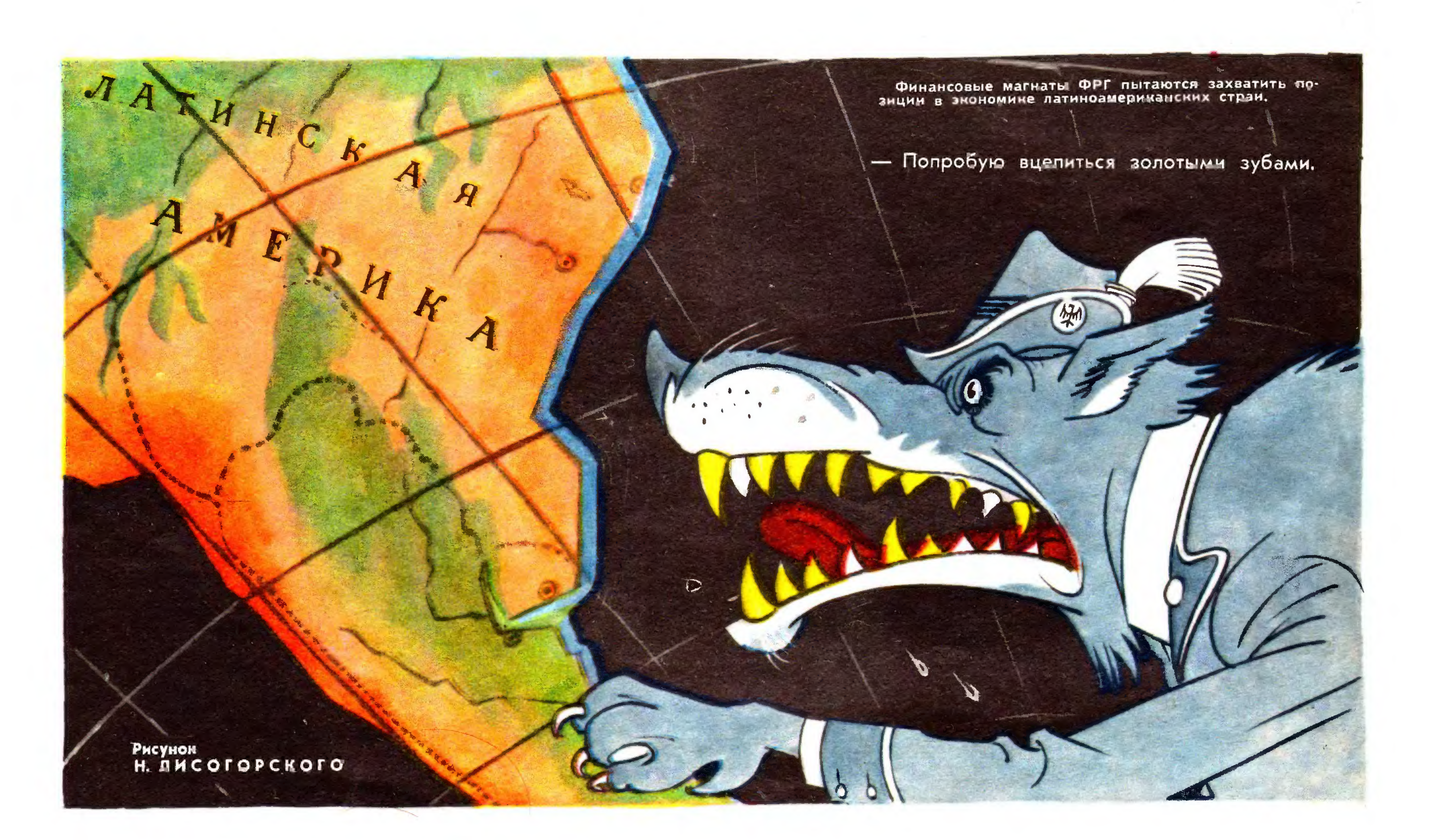
Но далеко не всякого натовца так легко расшифруешь. Банные чеховские коллизии неизбежно должны возникать.

Представляю, как какой-нибудь простодушный фламандец или валлонец, хлопнув натовского генерала в пиджачке по плечу, обращается к нему:

— Эй, фигура! Когда же эти чертовы иностранные вояки уберутся из Бельгии?!

И тут же добавляет в адрес НАТО несколько слов покрепче.

Антверпен — Брюссель — Москва.

ПАРИЖ. В интервью, данном одному французскому еженедельнику, лидер Христианско-социального союза ФРГ Франц-Йозеф Штраус, отвечая на вопрос, какими основными качествами должен обладать канцлер, сказал: «Прежде всего он должен находиться в тесных отношениях с господом богом». Уж не потому ли, замечает прогрессивная печать, Штраус и другие западногерманские официальные лидеры так рьяно взяли на себя защиту католического епископа Дефреггера, который, будучи капитаном гитлеровского вермахта, приказал расстрелять семнадцать итальянских граждан — заложников в селении Филетто?

* * *

НЬЮ-ЙОРК. Один из американских журналистов, Джек Андерсон, опубликовал некоторые данные, полученные им на основании внимательного изучения фактов и цифр. Данные эти касаются госпожи Онассис, бывшей супруги убитого президента Джона Кеннеди. За срок немногим меньше года после своего брака с семидесятилетним миллиардером Онассисом она уже сумела истратить двадцать миллионов долларов. (Напомним, что оклад президента Кеннеди составлял сто тысяч долларов в год.) По данным Джена Андерсона, госпожа Онассис предстает как женщина, более чем страстно любящая деньги и непрерывно тратящая их. Она с упоением играет роль «императрицы», устраивает на яхте «Кристина» приемы, которые по своей роскоши превосходят все, что когда-либо приходило в голову даже коронованным особам. Кстати, Джен Андерсон сделал подсчет трат супруги Онассиса еще и в итальянских лирах и выяснил, что госпожа Онассис тратит в среднем в один день «на булавки» столько, сколько средний итальянец тратит на пропитание в течение шестидесяти шести лет жизни.

* * *

ФЕНИКС (США, штат Аризона). Миссис Бэтит Пенроуз обратилась к адвокату за советом: как ей взыскать на юридическом основании убытки с господа бога за то, что ударом молнии был вызван пожар ее дома. За дело взялся адвокат Рэссел Х. Тэнзи. Он предъявил от ее имени иск на сто тысяч долларов господу богу «за небрежное и необдуманное руководство погодой». Иск официально зарегистрирован, и мистер Тэнзи сказал, что твердо рассчитывает выиграть дело.

Когда адвоката спросили, кто будет платить за злоумышленника, последовал ответ:

— Церковная община города Феникс, как представитель ответчика.

НА ПЕСКЕ

Удивительные люди, эти заморские толстосумы. Выбрасывать на ветер такие суммы, как будто у них между пальцев сыплются не доллары, а обыкновенный песок!

Именно песок. Судя по сообщениям американской прессы, в моду у бизнесменов США входят... песочницы. Те самые, в которых любят копошиться малыши, строя на песке разного рода воздушные замки. Правда, песочницы, в которых забавляются ныне американские тузы, не коллективного, а индивидуального пользования. Они отделаны тиком, розовым или ореховым деревом, снабжены флуоресцентной подсветкой, скрытой под черным пластиковым покрытием, и стоят ровно 456 долларов. Добавьте к этому таможенные сборы и стоимость провоза песочницы и ее содержимого (45 мешков белого канадского песка) из Канады — и вы узнаете, во что обходится среднему американскому миллионеру фунт песка.

Впрочем, говорят, что всаженные в песок средства окупаются с лихвой. Предприимчивый фабрикант из Торонто м-р Хью Спенсер полагает, например, что его песочницы не роскошь, а необходимость. По его словам, новый образец «творческой мебели» является «превосходным умиротворяющим средством» для издерганных нервов бизнесмена.

Сами клиенты тоже как будто вполне удовлетворены «терапевтическим эффектом» сидения на песке. Один из них, в частности, заявил репортерам: «Просто удивительно, до чего часто я сижу в своей песочнице, установленной в центре гостиной, и играю... А когда ко мне приходят знакомые, то они, в свою очередь, стремятся занять место поудобнее, чтобы тоже иметь возможность поиграть в песочек».

Кстати, для удобства желающих успокоить на песке свою расшатанную нервную систему, выпускается 50-долларовый набор портативных металлических грабелек, с помощью которых можно выводить на песке самые замысловатые узоры...

Перспективы песочного бума в США поистине беспредельны. Если верить газетам, то американской клиентуре, разумеется, за особую плату, уже обещан песок из Австралии, Бирмы и Марокко.

Усталые, измотанные бизнесмены прямо-таки жаждут песка. Что же, если вдуматься, то эту жажду не так уж трудно объяснить. В Америке давным-давно привыкли к тому, что множество вещей построено на песке. Уж кто-кто, а бизнесмены отлично знают, что на песке основан и миф о неуязвимости американской экономики (стране грозит инфляция), и миф о всеобщем благоденствии (миллионы американцев не имеют даже прожиточного минимума), и много других мифов.

Ю. СЕНИН

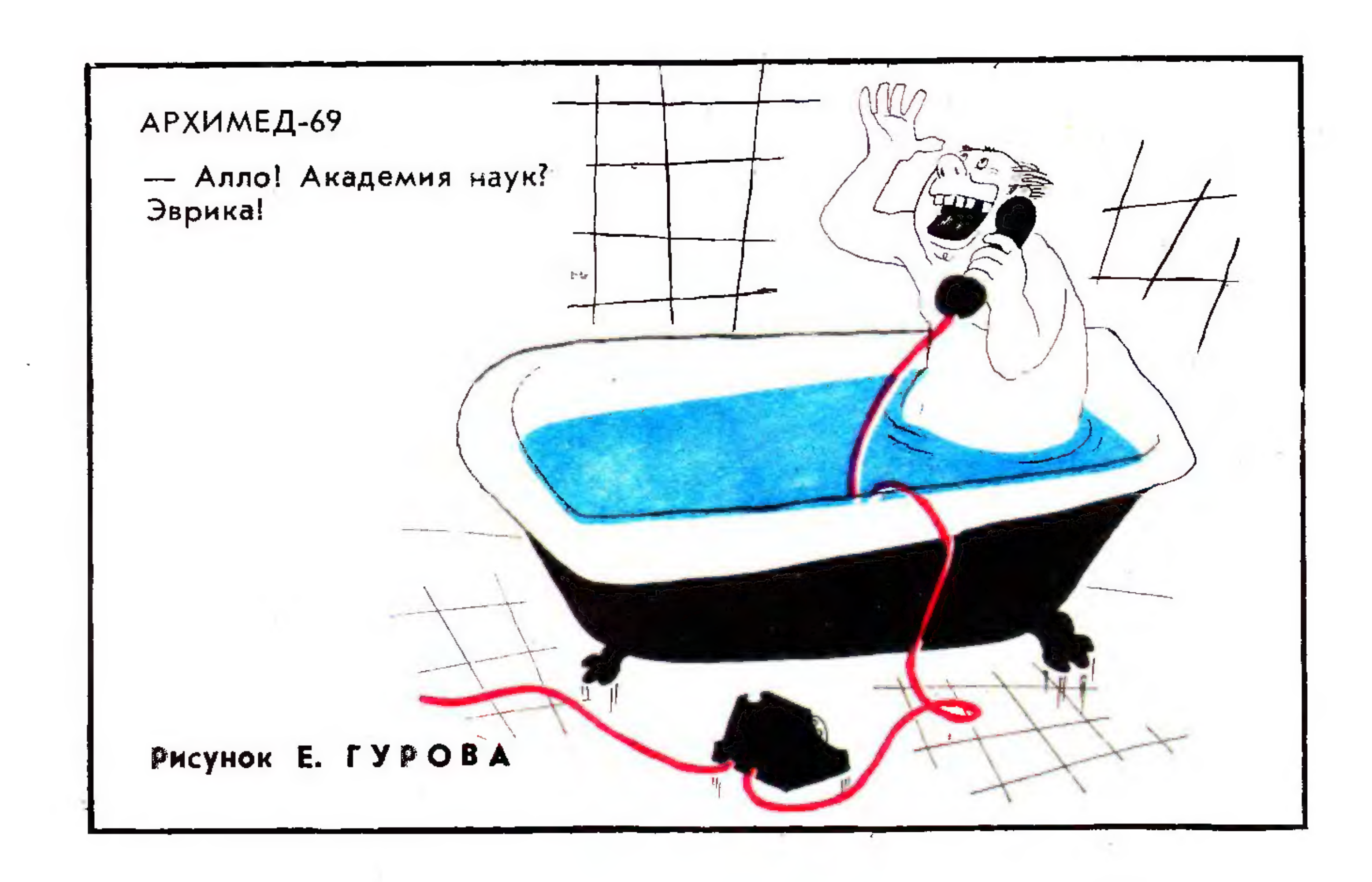

Рисунок Е. ГУРОВА

Рисунок Б. САВКОВА

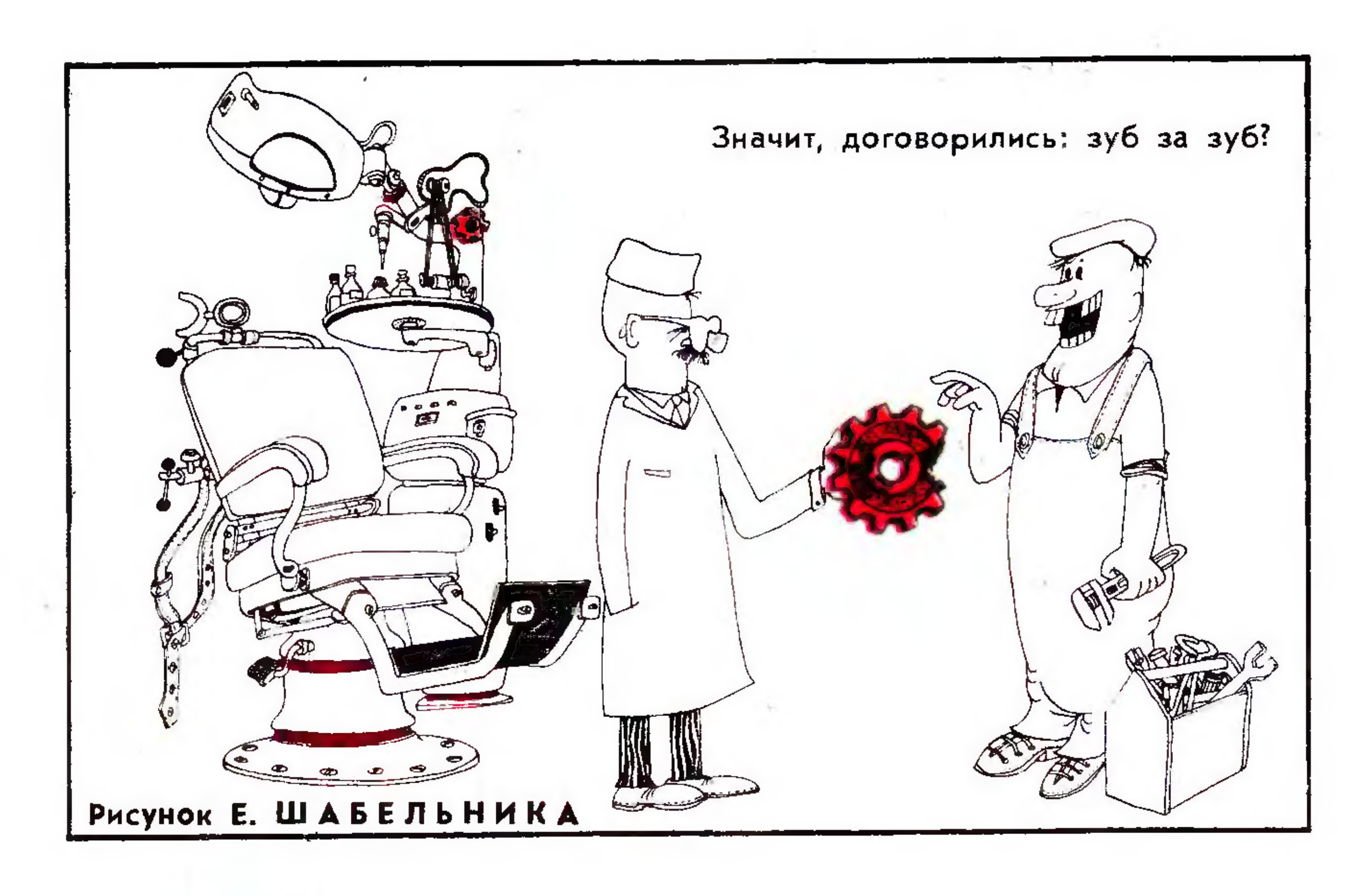

Рисунок Е. ШАБЕЛЬНИКА

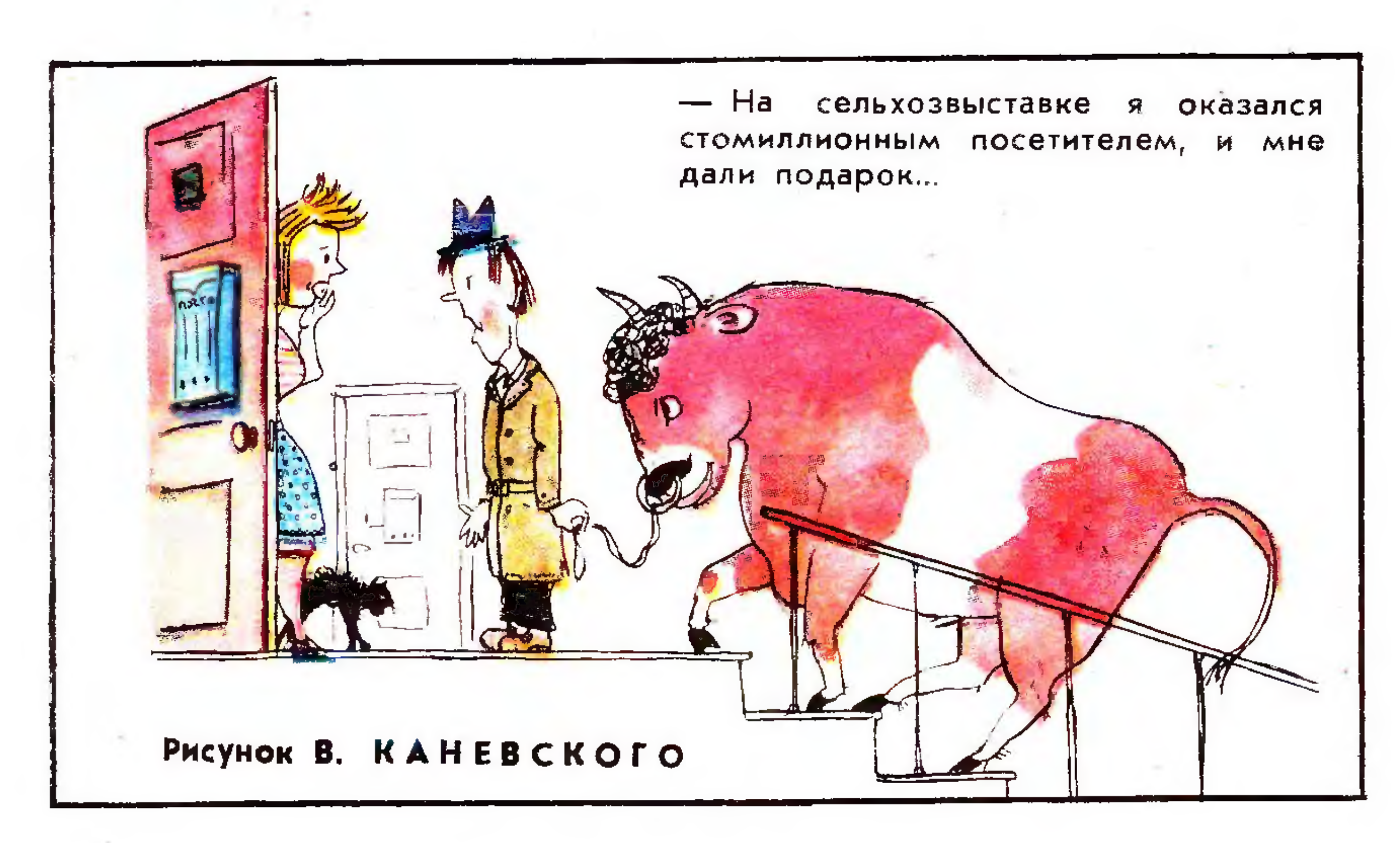

Рисунок В. КАНЕВСКОГО

БЫВШАЯ КРАСНАЯ РЫБА

Александр МОРАЛЕВИЧ,
специальный
корреспондент
Крокодила

Сперва бывает симптом. Дни идут, и симптом оформляется в безобразие, большое, как зарево. Затем бывает всеобщность надежд, упований и чаяний. Чают: энергичный министр, предпочтительней даже группа министров, сядут, попьют минеральной воды, вернут жизнь в колею.

И, возможно, садились. Пили воду, вперивались в бумаги, а нет, не вернули былого. Иссякла всеобщность надежды. А когда иссякает надежда, возникают анекдоты.

Но даже анекдот не прошиб, не наладил. Анекдотов по теме есть нынче за двадцать, а осетрины все так же не видно в витринах, и этих баночек с зернистой и паюсной нету настолько, что трудно стало осуществлять контакты на уровне посланников, атташе. И не вынесут более шестеро стерильных работников из морозилки заиндевелое чудо — полулунный рот, бока в рыцарских бляшках и ровно шестьдесят лучей в плавнике — белуга! И тещи не умалят дурной своей славы приготовлением пирогов с вязигой из севрюжьей спинной струны. Прощайте, многопудовые осетры, мы расспросим о вас наших бабушек, роясь вилкой-двузубцем в неразберихе скелетов рыбы угольной и барабульки.

Все, конец, и нечему таять на языке. Запустив пятерню за пазуху прикаспийской природы, выворачивают карманы ее прикаспийские ухари.

* * *

И какой соотечественник (русский, дагестанец, грузин) не любит быстрой езды! Топча, словно окурок, педаль газа, летят по ночной дороге авто к городу Избербашу. Летят частно владеющие машинами украинцы, аварцы, чеченцы, таты. И там, где солнце уже выставляет в горах естественно возникший из скал профиль Пушкина Александра Сергеевича, водители дают руля влево. Тут воют моторы, и водители лезут в приморский каменный чертолом, будто матери воспитали их на романсе «Скалы — мой приют». Потом сразу — молчание, только уши наставлены к морю: не пискнет ли уключиной в море огрузлая лодка. Чу! Вот и пищит, вот ступает на сушу из мрака мокрый человек в брезенте. И говорит, хватив из услужливых рук кринку коньяку грузинского (армянского, дагестанского): осетрина за кило три рубли, икра — по шешнадцать.

А в ответ, как большие пасти, разеваются крышки багажников и, шепча городские слова «Приемлемо, братец, приемлемо!», волокут люди рыбин через прибойную полосу. И, отерев ладони прибрежной растительностью, чтоб не вихляла баранка в скользких от рыбьего тела руках, автомобилист выбирается задом из скальной норы на большак: с номером ГРЧ — в Грузию, ЧИА — чечено-ингушский маршрут, ДАД — свои, дагестанские.

— Здесь,— сказал начальник избербашского ОБХСС,— у нас рыбой в городе не торгуют. Вобла туда-сюда есть, а икры, красной рыбы нет. Порядок у нас.

Это правда. Избербашский корсар не торгует на рынке. Он в скалах. Не торгует даже усач, умчавший груз осетров. Всю негоцию производят близкие усачу аксакалы и бабушки. В Грозном, Тбилиси, Ставрополе, на станции Семь Колодезей по утрам слышен шепот:

— Икра, икорки кому...

— Чоренькой отвесим на красенькую...

— Балычки, вот балычки...

— Кому брюшек желательно?

Редакция «Крокодила» получила письмо. С тяжкой сатирической силой пишет житель приморского Избербаша: «Рыба есть царь и бог. У нас в Избербаше главная исполнительная и законодательная власть — осетрина. Хочешь хорошей работы — дай рыбу. Ребенку выше идти учиться — рыба. А случись искать на кого управу — так икра очень вещь липкая, и балыки всякую ноздрю щекочут».

Командировкой всецело не подтвердилась суровая правда письма. В Избербаше наряду с осетриной есть исполком. Там много, усердно работают. Есть милиция, и опухшие от комариных покусов сержанты держат засаду в скалах. Сегодня избербашское побережье блокировано.

Но левей, в Пресняках, уже воля. Нет следов форменных сапог на песке. И туда пра́вит нос просмоленной фелюги брезентовая рука корсара.

А поскольку служба ГАИ все чаще на дорогах приникает носами к багажникам, частновладелец выезжает на смычку с корсаром под фальшивой маркой. Вырезав трафарет из картона, пишет он краской нитро-пурпур: «Телевидение». «Кинохроника». «Специальная». «Дормастер». «Станция частичной кастрации козлов методом Байбуртцяна». Затем крепит таблички над ветровым стеклом, по бортам — и выводит автомобиль на дорогу.

Частник все еще крепко фильтрует морские глубины.

* * *

А в справочниках читаем:

«Белуга. Запасы подорваны. Поддерживается искусственным разведением на рыбозаводах».

«Осетр... подорваны... искусственным...»

«Севрюга... подорв... искусств...»

Ну, подорваны. А если наладить добычу в других морях? Вот хоть Балтика — море законности!

Но в справочниках слова: «Каспий — основное обиталище осетровых». Беда.

Хотя не так даже страшны покушения на каспийские морские глубины. Вот когда должны шевелиться волосы у друзей правопорядка — в период осетровой любви. Осетр, белуга, севрюга из моря идут любить в реки Терек, Сулак, Кура. Два самца берут самку под ручки и на глубинном течении деликатно тискают с двух сторон. Икра выходит наружу, икра лепится к донным камням. Сто часов на камнях — и мальки покатятся в море.

Это предположительно. Вообще ж — не покатятся. Люди предотвратят. На перекатах, где мелко и видна трепетная серповидность хвостов больших рыб, стоят люди. В руках у людей: вилы, багор пожарный, медвежья рогатина. Жарко матерясь, человек ширяет вилами в воду и гвоздит осетра. Высунув от натуги бурый запойный язык, проносится в волнах на белуге другой. Это жадный одиночка и псих. А трое других здравомыслов, объединившись и погубив белугу в момент, кромсают ее возле лодки в воде, не снимая с крюков:

— Чижолая, стервь, не поднять с воды в лодку!

Яро тычут колющей снастью Грозненский, Шелковский, Гудермесский районы. У станицы же Виноградной рыбин бьют по мозгам колотушкой, в Брагунах навстречу уцелевшим распахнуты сети, в Каргалинской, Дубовской и Гребенской станицах стальной кошкой добирают остатки.

А вот и самодельные бомбы везут на Малый Сулачек чечено-ингушские мотоциклисты. И, сидя в тени тальников, наблюдая рыбные клочья в воде, выражают кручину:

— Разве же с такой бомбы эффект? Эх, маленько бы атома!

Впрочем, однажды тряхнуло так, будто и впрямь атомную взорвали. Поехали узнавать — оказалось, не атомная, всего только тяжелый авиационный фугас, аварец какой-то волок машиной к воде германскую бомбу. По магистрали вез — ничего, а на проселке сыграл детонатор. Дорожникам на два дня хватило работы, только аварца они не нашли. Так сказать, издержки частной путины...

А в остальном дело ширится, крепнет. И комбайнер, отец семейства, вдруг столбенеет за ужином, забывает потребить простоквашу, воскликнув:

— Что ж я, хуже Лавди? Я не хуже!

А другие люди формулируют даже более резко:

баше наряду с осетриной есть исполком. Там много, усердно работают. Есть милиция, и опухшие от комариных покусов сержанты держат засаду в скалах. Сегодня избербашское побережье блокировано.

Но левей, в Пресняках, уже воля. Нет следов форменных сапог на песке. И туда пра́вит нос просмоленной фелюги брезентовая рука корсара.

А поскольку служба ГАИ все чаще на дорогах приникает носами к багажникам, частновладелец выезжает на смычку с корсаром под фальшивой маркой. Вырезав трафарет из картона, пишет он краской нитро-пурпур: «Телевидение». «Кинохроника». «Специальная». «Дормастер». «Станция частичной кастрации козлов методом Байбуртцяна». Затем крепит таблички над ветровым стеклом, по бортам — и выводит автомобиль на дорогу.

Частник все еще крепко фильтрует морские глубины.

* * *

А в справочниках читаем:

«Белуга. Запасы подорваны. Поддерживается искусственным разведением на рыбозаводах».

«Осетр... подорваны... искусственным...»

«Севрюга... подорв... искусств...»

Ну, подорваны. А если наладить добычу в других морях? Вот хоть Балтика — море законности!

Но в справочниках слова: «Каспий — основное обиталище осетровых». Беда.

Хотя не так даже страшны покушения на каспийские морские глубины. Вот когда должны шевелиться волосы у друзей правопорядка — в период осетровой любви. Осетр, белуга, севрюга из моря идут любить в реки Терек, Сулак, Кура. Два самца берут самку под ручки и на глубинном течении деликатно тискают с двух сторон. Икра выходит наружу, икра лепится к донным камням. Сто часов на камнях — и мальки покатятся в море.

Это предположительно. Вообще ж — не покатятся. Люди предотвратят. На перекатах, где мелко и видна трепетная серповидность хвостов больших рыб, стоят люди. В руках у людей: вилы, багор пожарный, медвежья рогатина. Жарко матерясь, человек ширяет вилами в воду и гвоздит осетра. Высунув от натуги бурый запойный язык, проносится в волнах на белуге другой. Это жадный одиночка и псих. А трое других здравомыслов, объединившись и погубив белугу в момент, кромсают ее возле лодки в воде, не снимая с крюков:

— Чижолая, стервь, не поднять с воды в лодку!

Яро тычут колющей снастью Грозненский, Шелковский, Гудермесский районы. У станицы же Виноградной рыбин бьют по мозгам колотушкой, в Брагунах навстречу уцелевшим распахнуты сети, в Каргалинской, Дубовской и Гребенской станицах стальной кошкой добирают остатки.

А вот и самодельные бомбы везут на Малый Сулачек чечено-ингушские мотоциклисты. И, сидя в тени тальников, наблюдая рыбные клочья в воде, выражают кручину:

— Разве же с такой бомбы эффект? Эх, маленько бы атома!

Впрочем, однажды тряхнуло так, будто и впрямь атомную взорвали. Поехали узнавать — оказалось, не атомная, всего только тяжелый авиационный фугас, аварец какой-то волок машиной к воде германскую бомбу. По магистрали вез — ничего, а на проселке сыграл детонатор. Дорожникам на два дня хватило работы, только аварца они не нашли. Так сказать, издержки частной путины...

А в остальном дело ширится, крепнет. И комбайнер, отец семейства, вдруг столбенеет за ужином, забывает потребить простоквашу, воскликнув:

— Что ж я, хуже Лавди? Я не хуже!

А другие люди формулируют даже более резко:

— Нет, мы лучше Лавди. Сопляк тот Лавди!

И бросают страду, полевые работы, покидают колхозы, торчат на реке и даже после бани припахивают рыбой.

Гехаев Лавди из села Толстов-Юрт — что особого? Нигде не работает, на штрафы плюет, нынче пойман нечаянно с двумя осетрами, плюет на милицию — что ж такого? Он поштучник, этот Лавди, речной крохобор. А вы на Тереке раздвигали камыши? Доводилось там спугивать вороньи стаи? Они на осетрах сидели, эти вороны. Тонны три осетров со вскрытыми животами. Тут человек поработал! Не вожжался с самой рыбой, добывал только икру.

На Тереке, Сулаке и Сулачке все меньше становится людей, подобных Лавди. Лавди не джигит. У джигита одинокая севрюга не лежит поперек седла, как невеста, и джигит не ускакивает от погони, хлеща лошадь стерлядкой. Настоящий джигит приезжает на «газике», вспарывает осетровые брюха, бросает пошлую рыбу и увозит икру в запасном колесе, набив ею камеру. Настоящий джигит, если хочет и рыбы, пригоняет молоковоз и в цистерне с надписью «Молоко» везет груз мимо милиции.

Затем идут старики и старушки по дворам кавказских городов, и на бельевых веревках, укромно подвешенные, плавятся балыки.

* * *

Здесь уместен вопрос: а борьба?

Есть борьба. Осветим кусочек беспощадной борьбы.

В камышах на Сулаке сидят люди милиции, обзирают другой берег в бинокли. Ох уж этот рыбнадзор, за ним гляди да гляди!

С другого же берега соколиным глазом наблюдает милицию рыбнадзор. И еще косит влево. Вон в кустах охотинспекция прячется, за той тоже глаз нужен. Ну те-с, терпение!

Там же напряженно, до звона в ушах вертит из куста головой общественная инспекция. Ох, неспроста слетелись — рыбный надзор, охотничий, милицейские... Ну, не зевай!

Расстегнуты кобуры, протоколы лежат под рукой на траве — готовы к броску. Бросятся — и держись!

А за излучиной, от засад в трехстах метрах, гражданин перекинул через реку весь в страшных крючьях канат. Лошади, переплывая Сулак, попадали на эти крючья и никогда не срывались. Гражданин обирает реку дотла. Схватить гражданина некому: инспекции караулят друг друга.

И был в Махачкале примирительный слет. Увещевали: товарищи из инспекций! Товарищи из МВД! Прекратите шалости с рыбой. Перестаньте склочничать, ловить друг друга. Браконьеров ловите. Ясно?

Как день.

Ну, и дальше понес свою службу рыбинспектор Ахмедов Калсын, Алты-Агачский заказник. Сразу же был он пойман с ворованной рыбой сторожами совхоза. И участковый села Костек, младший лейтенант Омарпаша Сейпутдинов, был пойман общественным инспектором Рамазановым. Дело на них, конечно, замяли. А чтобы морально воспрянуть, не ходить одному вечно запачканным, слепил Ахмедов Калсын фиктивный протокол на вредного госохотинспектора Бохана.

Ахнул суд города Хасавюрта: ну и липа, ай да Калсын! Смотри, Калсын, не воруй рыбу, людей не черни!

Так вот же — снова приходит протокол Калсына на Бохана. Проверили — ай Калсын! Разве ж можно так стряпать? Человек лежит в госпитале, а тобою числится на браконьерской рыбалке. Ошалел?

Тогда в обиде за друга сказал участковый Омарпаша:

— Бохана к чертовой матери пристрУню!

Подразумевалось: госохотинспектор Бохан ездит по службе через село Костек. Заслышав инспектора, участковый будет выбегать на дорогу и обыскивать мотоцикл. В этом, ясно, не много законности, дак проселок ведь тут, в сельской местности можно власть свою рассматривать шире.

Страшновато в Алты-Агаче. Семьдесят процентов всех браконьерств Дагестана совершается в этом заказнике. Кого ловит тут рыбнадзор, как велик конфискат?

Милиция Кизилюрта побочно занимается борьбой с браконьерством. Рыбнадзор обязан — впрямую. Милиция конфискует с начала года пять центнеров красной рыбы (тоже не цифра). Что скажете вы о рыбнадзоре, конфисковавшем всего пятьдесят килограммов? Вот то-то!

Тогда едет товарищ Бохан в хорошо ВСЕМ известное место на Сулаке, где ПОСТОЯННО сидит с запрещенною снастью старик по кличке Тарзан из села Костек. Трех осетров вынимает охотинспектор из сети (сразу больше, чем весь конфискат рыбинспекции).

— Будет гнев Калсына! — говорит на это преклонный Тарзан.— Будет матиковать!

И пока Калсын впадает в гневливость на берегу, охотинспектор едет в Махачкалу. Мимо изумленной вахтерши люди втаскивают в большой кабинет трех осетров. Здесь кабинет редактора «Дагестанской правды», и редактор товарищ Зеленин признает, что осетры вопиют. Два корреспондента «Дагестанской правды», Воронков и Тишков, выезжают в Алты-Агач. Материал был громаден. Он лег в столы. Воронкову и Тишкову напечататься не удалось: слишком крутые факты.

А город Махачкала распестрен плакатами комсомольских прожектористов: какой-то Тимофей там Маменьев. Воронин на машине сельскохозяйственного министерства. Сотоварищи Гладкий, Красько. Позор им — губили красную рыбу в целях наживы.

Но ни в большой, ни в стенной печати не отводится строк самым главным — рыбинспекторам Ахмедову, Иналову, Абасову.

* * *

Я был на Сулаке, в святая святых. У Чонтаула, где нет поблизости сел, и дорога туда несносна. Пыль удушает человека, едущего по этой дороге, и портновский метр надо три раза прикладывать, измеряя любой ухаб.

С трудом достал я в исполкоме машину, чтоб продраться на икромет: жалко машину.

Многим машины дались без труда. Здесь стояли казенные и частные «Волги», грузовое такси и даже автомобиль для развозки газа в баллонах.

У Шайтан-озера кричали фазаны. Шайтан-озеро с прохладой и сквозистой тенью дубрав было рядом. Дорога к нему была ровная, и кислород такой, что режь хоть ножом. Но возле озера было пусто: в озере ловился непищевой окунек.

А на сожженном солнцем Сулаке, где берега запретной зоны оттоптаны чище, чем танцплощадка, было крупное, почти фестивальное стечение народа. Большой, как тень дерева, под одиноким деревом спал рыбный инспектор. Заложив руки за спину, гуляли вдоль берега молодые люди в городской одежде и перстнях.

— Простите,— сказал я,— как вы попали сюда? И зачем?

— Мы заблудились! — хором ответил берег. Инспектор приоткрыл веки и снова заснул.

...Самка осетровой породы выметывает до двух миллионов икринок. Если выбросить лозунг «Получим от каждого осетра по сто осетрят!», то полсотни кой-где заприходуют. В Алты-Агаче — нет. Не в Сулаке. Не в Тереке. Вынув из ножен клинок, осетра-мать здесь прирежут, и как раз на сносях.

Махачкала — Хасавюрт — Грозный.

— Я купила отличный матерьяльчик для зимних штор!

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА.

Игорь ТАРАБУКИН

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ЖИЗНИ В ПЯТИ ТОМАХ

В лихой студенческий январь,
Когда мечта казалась близкой,
Он шапке предпочел подписку
На уникальнейший словарь.
И ждал заветного изданья,
Питаясь хлебом и водой,
«Как ждет любовник молодой
Минуты верного свиданья».
И получил он первый том...
Когда писал уже диплом.

— Теперь мне станет все ясней,—
Заметил он с веселым свистом,—
Такой словарь специалисту
Еще во много раз нужней!
И мне он станет лучшим другом,
Как прежде школьная скамья.

И все тома до буквы «Я»,
Считай, теперь к моим услугам!
Но том второй пришел к нему,
Когда уж было ни к чему.
Он стал отцом, потом вдовцом...
Он стал в науке кандидатом...
И вот по почте, как когда-то,
Ему прислали третий том!

Воды опять уплыло много,
Давно на пенсию пора...
Однажды внук вскричал: «Ура!» —
И протянул пакет с порога.
В тот день, усевшись под окном,
Он изучал четвертый том.

А пятый том, нам говорили,
Он прочитал... уже в могиле.

ПО СТАНИСЛАВСКОМУ

«Театр начинается с вешалки!»
Гиперболы в этом ни грамма.
Как только на сцене —
комедия,
На вешалке — сущая драма!

НОВАТОРСТВО

Весь вечер на сцене —
Она и Он,
И телефон.
Ну что ж тут такого!
Вот если б на сцену
один телефон —
Вот этого не было. Это ново!

ОПЕРЕТОЧНЫЙ ПРОФОРГ

Ввели профорга в оперетту.
Нужна та роль не по сюжету:
Есть танцы, арии, дуэт...
А вот общественности нет!

Разрешите вас поздравить, дорогой читатель, с большим праздником в нашей прекрасной «Стране Поэзии»: Ростовское книжное издательство выпустило под редакцией Н. А. Трифоновой сборник стихотворений поэта Владимира Сидорова: «Я люблю тебя!»

Судя по статье критика Н. Скрёбова, приложенной к сборнику В. Сидорова, молодой поэт обладает редчайшим поэтическим талантом. Скрёбов отмечает, что Владимиру Сидорову свойственна **особая, обостренная зоркость сердца и «особый музыкальный настрой, тонко и точно воспроизводящий гармонию этого мира»**.

Критик утверждает, что поэта характеризует **значительность и масштабность выражаемых чувств** и что творчество его **«реалистично, предметно, наполнено конкретными, зримыми образами.** В нем **пульсирует жизнь современника».**

Больше того, в стихах В. Сидорова (слушайте, слушайте!) **«раздумье человека о непреходящем значении дела рук своих индуцируется обыденным зрелищем и поднимается до возвеличения труда посредством неожиданного, принципиально нового взгляда на привычные вещи»!**

Поэт, уверяет Н. Скрёбов, **«трепетно дорожит богатством простых и вечных ценностей любви».** Признаваясь в любви к женщине, В. Сидоров, оказывается, точно выражает чувство любви к женщине каждого из нас, читателей его книги.

Мы перечислили далеко не все качества таланта В. Сидорова, отмеченные Н. Скрёбовым.

Но согласитесь, что и перечисленных выше достоинств, присущих поэту, вполне достаточно, чтобы признать появление книги его стихов выдающимся явлением советской литературы.

Подумайте только: реалистические, предметные, конкретные, зримые образы! Мир любви поэта, который открывается нам, как наш собственный мир любви, да еще индуцируется и возвеличивается! Обостренная зоркость сердца!.. Раздумья о непреходящем!.. Масштабность!..

Часто ли встречаемся мы, любители поэзии, с таким кладезем редчайших достоинств, с таким роскошным букетом разнообразных поэтических качеств?

Легко себе представить, с какой жадностью любой прочитавший статью Н. Скрёбова о Владимире Сидорове бросится читать самого Владимира Сидорова.

Давайте же, дорогой читатель, не будем терять золотого времени! Давайте и мы скорей познакомимся со стихами самого поэта, окунемся, так сказать, в сложный эмоциональный мир этого художника, насладимся его особым музыкальным настроем, так тонко и точно воспроизводящим гармонию нашей жизни и нашего сознания.

Открываем книгу.

Обилие той конкретной и зримой образности, о которой пишет Н. Скрёбов, сразу буквально ошарашивает нас в первом же прочитанном стихотворении:

Восходит гладиолус,
как голос, что в крови
планеты, —
красный голос,
взыскующий любви.
Коричневые глыбы,
зеленая вода,
малиновые рыбы,
златые невода.
И перышко синицы,
уроненное в след
медвежий,
и курится
над речкою рассвет...
Подъяты, как колена,
Карпаты и Памир.
Какие-то колена
ты зачинаешь, мир?
Июль. Полуодета,
в серебряном, как альт,
соитии планета.
И корни рвут асфальт.

Можно ли, прочитав приведенное здесь целиком стихотворение, не согласиться с Н. Скрёбовым, что у поэта действительно наличествует неожиданный, принципиально новый взгляд на привычные вещи?

Обратите внимание, дорогой читатель, какие точные и конкретные, какие зримые образы громоздятся один на другой в этом удивительном стихотворении. Так и видишь нашу родную планету полураздетой, в серебряном, как альт, соитии! Так и встают перед глазами реальный Памир и прославленные Карпаты, подъятые, как колена! Так и возникает перед нашим мысленным взором гладиолус, подобный красному голосу, взыскующему любви!

«Как агатовые игумны, отрешенные очи твои», — обращается поэт к своей возлюбленной в другом стихотворении. Можно ли не ощутить предельную точность и конкретность этого оригинального сравнения?

«И льется уют по коровьим бокам...» — читаем мы в третьем стихотворении.

Этот поэтический образ может, пожалуй, показаться расплывчатым. Но поскольку дальше, в том же стихотворении, В. Сидоров сообщает, что его «взволнованный стих пахнет случайными капельками молока на круглых коленях любимой», понятным становится и льющийся по коровьим бокам уют.

Во всяком случае, и здесь новый взгляд на привычные вещи никто отрицать не будет.

«На наших сомкнутых губах твоя улыбка шевелится, как шевелилась бы синица на наших сомкнутых ветвях», — пишет поэт.

С чем только не сравнивали наши современные поэты и поэты-классики улыбку любимой женщины? Но сравнить улыбку с шевелящейся синицей мог додуматься только поэт, который, как уверяет Н. Скрёбов, трепетно дорожит богатством простых и вечных ценностей любви.

В следующем стихотворении читаем:

...и сирень и сирены
о белужьих хвостах,
и как сирин — свирели
во перстах и устах...

Нет, конечно, ни конкретными, ни зримыми эти строки назвать нельзя. Нельзя найти в них и обостренную зоркость сердца. Понять их смысл тоже нельзя. Но найти в них «особый музыкальный настрой», пожалуй, при большом желании можно. Удовлетворимся настроем.

До сих пор мы приводили примеры, свидетельствующие в первую очередь о несметном богатстве изобразительных средств поэта. Поищем теперь стихи с точным воспроизведением гармонии мира и с индуцирующимися раздумьями о непреходящем. Перейдем к философской лирике Сидорова.

Большая баба,
подоткнув подол,
мыла у берега ноги.
Теплое солнце
опускалось
на зеленый косогор.
И весело было мне смотреть
на белые бабьи ноги,
на зеленый косогор,
на низкое теплое солнце.

Мы процитировали это стихотворение с начала до конца. И, признаться, смущены. Что-то тут не то! Едва ли Н. Скрёбов, превознося обостренную зоркость поэта, имел в виду стихи о бабе, подоткнувшей подол и обнажившей белые ноги.

Но тогда какие же стихи имел в виду критик? Может быть, эти:

Виделся мне огромный сияющий
мир
Из моря и неба;
Виделся мне юноша с девушкой
на берегу —
Нагие и прекрасные...
Что это было?
О прошлом ли память — та, что в
крови,
Или грядущего зов?

Нет, и не эти тоже. Возьмем в таком случае стихотворение, которое Н. Скрёбов называет в числе наиболее «пронзительных» и на которое советует обратить особое внимание. Это стихотворение, по мнению Скрёбова, доказывает, что поэт ставит перед собой все более сложные художественные задачи:

Какие апельсины!
Ах, какие апельсины!
Как они пахнут, эти апельсины!
Как они светят, эти апельсины!
А какая музыка!
А-
пель-
си...
Дождя надо.
Ох, как надо дождя!
Горит картошка.

Вот и все. Нет, как хотите, но и в этом философском опусе, как и во всех других лирических раздумьях Сидорова, мы не находим ни масштабности, ни глубины, ни пронзительности, не говоря уже о мировой гармонии.

Но, может быть, самая сильная сторона творчества Сидорова не философские стихи, а стихи о любви? Давайте же скорее познакомимся с любовной лирикой Сидорова, с миром его сердечных привязанностей, тем более, что, по уверению Скрёбова, мир любви Сидорова — это в то же время и мир любви его читателей.

Предоставляем слово поэту:

Я не люблю, я просто так,
от ничего, от нечего,
а ты прекрасна и чиста,
как зореньна, как реченька;
а ты мне и волну свою
и цветики над нею...
Прости, я из тебя не пью:
не смею.

Странно! Это лирическое признание тоже не вызывает в нас ответного чувства. Оно вызывает в нас только чувство недоумения и неловкости. Может быть, в других стихотворениях лирического цикла мы все же найдем не голую эротику, а обещанную нам глубину и пронзительность?

...и словно плод по
лону вод,
когда слепит глаза,
и полдень,
янтарной плоти
преисполнен, —
навстречу женщина
плывет...

Нет? Тогда, может быть, в этом:

Пойдем сегодня на танцы?
Там будут все наши, там будет
Та девочка — помнишь? —
с бетонного.
И сосны зеленые будут, и звезды,
И Нуицио Галла...
Пойдем, ну пойдем на танцы!

Довольно! Закрываем книгу! Сомнений больше нет! Критик вводил нас в заблуждение! Он нас обманул!

В чем же тут дело?

Принято полагать, что всякое настоящее искусство лучше всего говорит само за себя.

Но что греха таить — есть стихи, которые за себя не говорят ничего или говорят так плохо и невразумительно, что за них приходится говорить другим.

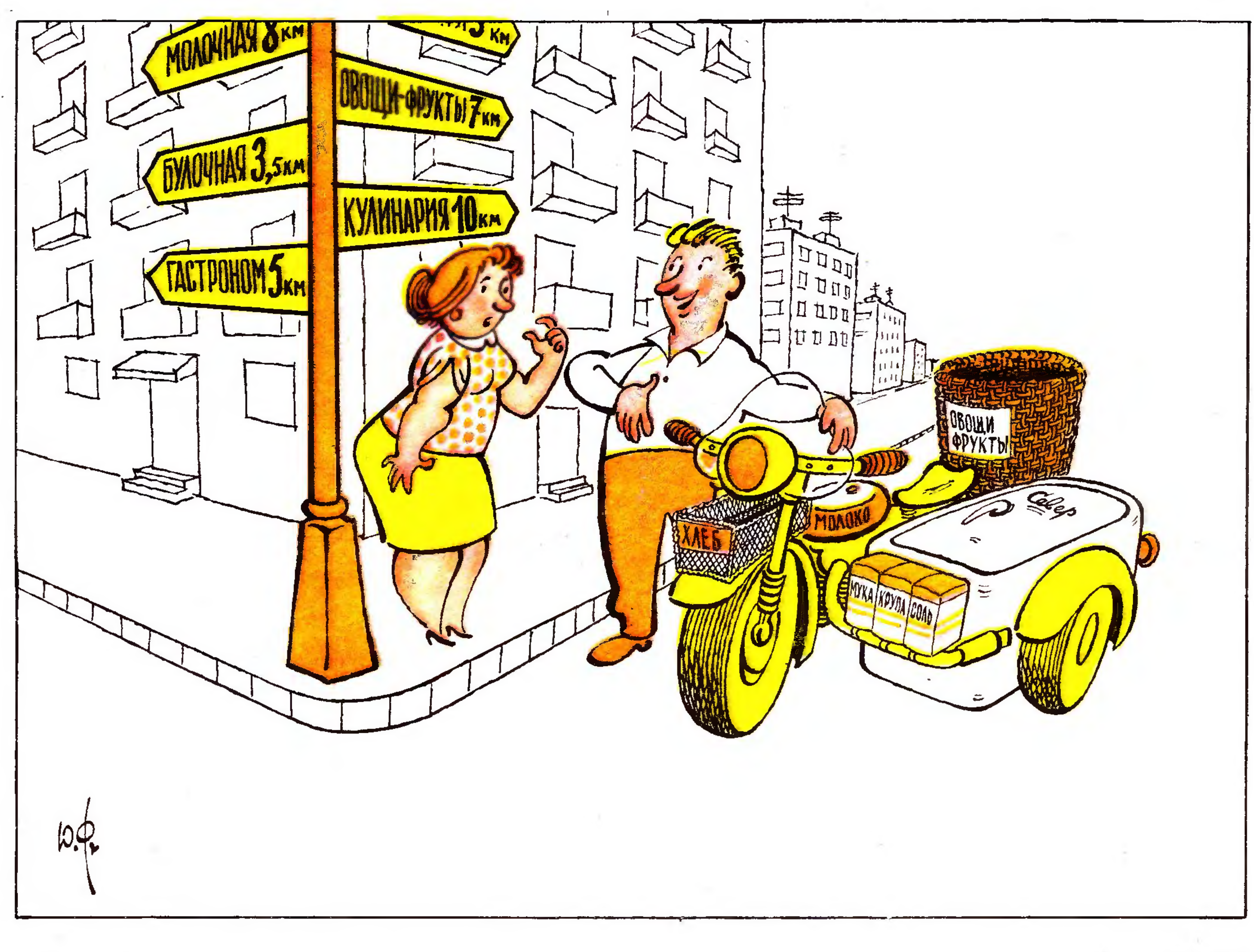
Вот почему с некоторого времени стало обыкновением давать начинающему поэту так называемую «путевку в жизнь». Эту путевку от чистого сердца дают дебютанту его старшие товарищи. И это прекрасно.

Вошло также в обычай снабжать стихотворные сборнички пространными предисловиями или послесловиями. И это неплохо.

Однако этой хорошей традицией стали последнее время сильно злоупотреблять. Стали писать такие статьи-комментарии в приторно-комплиментарном, рекламно-дифирамбическом тоне.

Весьма популярный в конце прошлого столетия поэт Константин Бальмонт написал когда-то трактат о магической силе слов. Трактат назывался «Поэзия как волшебство». Мы не собираемся спорить с Бальмонтом. Нам очень нравится поэзия, производящая впечатление волшебства. Но нам очень не нравится поэзия, производящая впечатление обмана. Зачем выдавать дешевые словесные побрякушки за чистое золото поэзии? Зачем придавать стихотворному пустословию таинственный философский смысл, а плоские, зарифмованные по последней моде сентенции и вообще любой словесный чертополох выдавать за многозначительные лирические откровения? Зачем?

ВНИМАНИЮ ДОМОХОЗЯЕК МИКРОРАЙОНОВ!

— Вот тебе машина для кухни!

Рисунок
Ю. ФЕДОРОВА

Чтобы выглядеть шутом, не обязательно бить в бубен. Можно и в литавры.
Ю. СКРЫЛЕВ

Не проходите молча, если уж проходите мимо.
В. СЕРЕГИН

Можно бросить слово и на ветер, если он дует в нужную сторону.
В. КОНЯХИН

И в подтексте надо уметь вовремя поставить точку.
В. ХОЧИНСКИЙ

Лев ЛОГИНОВ

ПРЕДСТОЯЩИЕ ТРУДНОСТИ

Лида Мухина, волнуясь, стояла перед столом, за которым сидели члены выпускной экзамеиационной комиссии.

— Берите билет,— сказал Мухиной председатель и дружески ей улыбнулся.

Та помедлила немного, взяла билет и почти шепотом назвала номер.

— Первый вопрос? — спросил председатель.

— Романс Алябьева «Соловей».

— Пойте!

Это было просто. К этому вопросу Мухина подготовилась хорошо. И она запела. Нежно. Чисто.

— Са-ала-вей мой, са-ала-вей...

И так далее — до самого конца.

— В целом неплохо,— сказал специалист по вокалу.— Даже свежо и в музыкальном отношении грамотно. Но все же высокие ноты нужно брать чуть чище, сочнее. Это вам поможет избежать многих трудностей в практической работе.

— Постараюсь! — сказала Мухина.— Я буду учиться у настоящих соловьев.

— Это правильно. Только избегайте явного подражательства. А теперь переходите ко второму вопросу.

— Танец умирающего лебедя,— прочла Мухина.

— Танцуйте!

И Мухина затанцевала. Ее движения были нежны и изысканны. Казалось, лучше и прекраснее не умрет даже настоящий лебедь.

— Неплохо,— сказал специалист по балету.— Даже хорошо. Только в конце, когда лебедь уже почти готов, необходима слеза. Одна-единственная. Она придаст всей партии законченность, а вам поможет избежать многих трудностей в практической работе.

— Я постараюсь! — ответила Мухина, бледнея.

— Переходите к третьему вопросу.

— Карточные фокусы по выбору экзаменующегося.

— Показывайте.

Мухина достала из чемоданчика специально приготовленный на этот случай жакет с рукавами и колоду карт. Она тщательно перемешала колоду и попросила председателя комиссии загадать любую карту. Председатель, подумав, остановился на пиковом тузе. Мухина снова перемешала колоду и положила ее на пол. Все члены экзаменационной комиссии замерли, а председатель надел более мощные очки, которыми пользовался в самых ответственных и исключительных случаях.

Затем Мухина наступила правой ногой на карты, улыбнулась в сторону экзаменаторов и сняла ногу с колоды. Карт на полу не было.

— Не отвлекайтесь,— заворчал председатель комиссии.— Отвечайте по существу. Где пиковый туз?

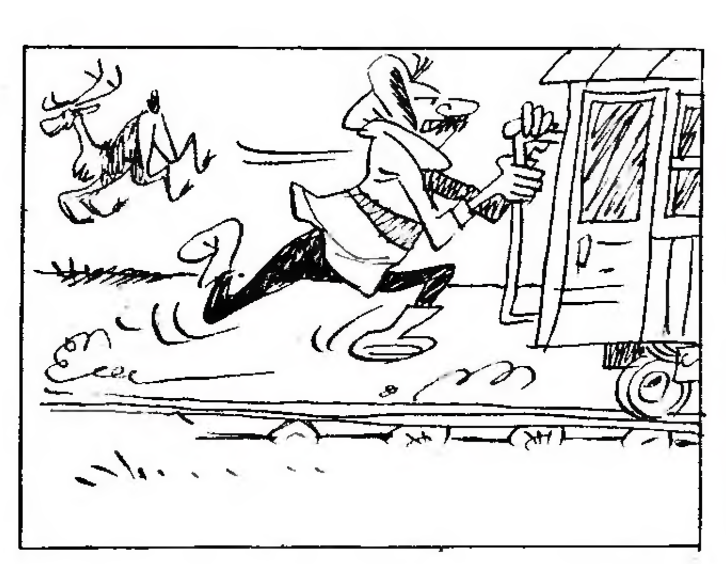
— Одну минуту! — сказала Мухина и, достав из кармана коробку охотничьих спичек, зажгла сразу две. Резкий запах серы, появившийся в комнате, заставил членов комиссии чихнуть.

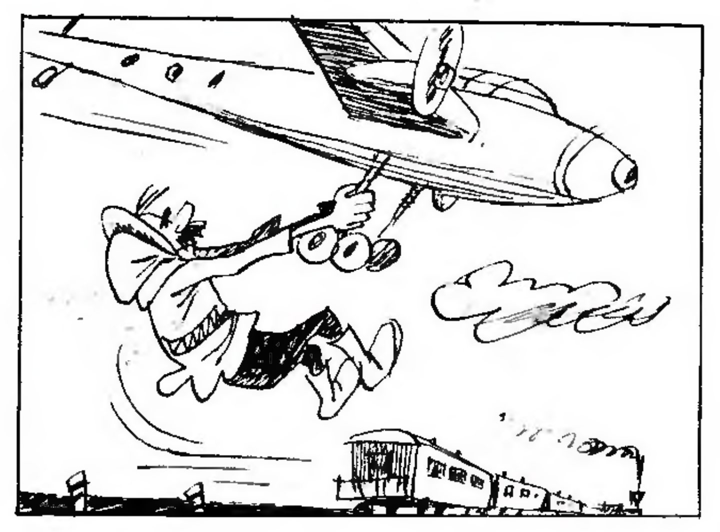
Первым очнулся председатель. Прямо перед ним на экзаменационной ведомости лежал туз пик...

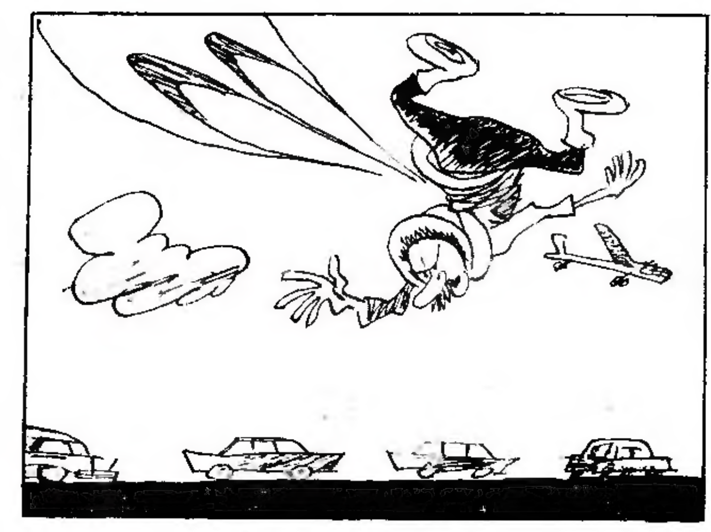
— Неплохо,— одобрил он.— Фокус, конечно, старый, избитый, но вы подошли к нему творчески, и это радует. Но в целом номер затянут. Старайтесь быть лаконичнее. Раз... два... и готово! Это поможет вам избежать многих трудностей в практической работе.

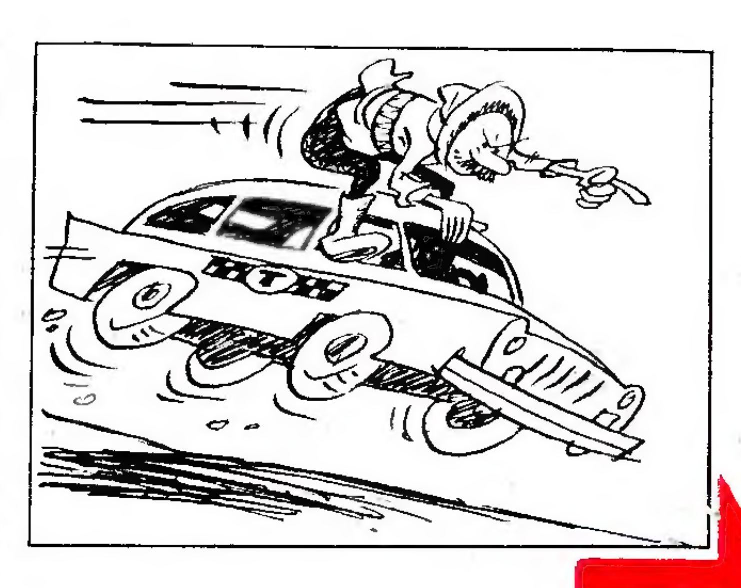
...Трудности, о которых говорили на выпускном экзамене члены комиссии, обрушились на молодого заведующего сельским клубом Лиду Мухину как-то сразу. То крыша стала протекать, то пианино пришло в негодность, то председатель колхоза дров не выделил...

И никакие фокусы не помогали.

ГОЛУБОЙ ДЕФИЦИТ

Виктор ДРАГУНСКИЙ
Рассказ

Старый шеф-повар Сергей Степанович неожиданно получил новую однокомнатную квартиру. Отложив все срочные дела, он устроил своей квартире первый строгий экзамен. Это была симпатичная квартирка. Она смотрела в его старые, выцветшие глаза весело и непринужденно. Если бы Сергей Степанович провел лучшую часть своей жизни не на кухне ресторана Дома легкой музыки, где он весь насквозь пропах луком и постепенно потерял всякий вкус к простым человеческим радостям, он бы прожил ее в веселом кругу семьи. Но, увы, Сергей Степанович, воспитанный обаятельным сонмом слегка осипших официанток и кассирш, был давно и непримиримо холост. Из близких людей он чтил, пожалуй, на всем свете только одного своего дальнего родственника, племянника Васеньку, Доставалу первой руки, Доставалу-чемпиона, ловкого и пройдошистого человека, не знавшего, что такое слово «нету» или слово «дефицит».

А сейчас Сергей Степанович осматривал свою только что полученную новую однокомнатную квартирку и был очень доволен. Звонок звонил. Ключ отпирал. Шпингалеты задвигались. Придраться было не к чему. И хотя Сергей Степанович раньше жил в коммунальной квартире, доверху набитой жильцами, с одной-единственной уборной на 26 человек и ванной комнатой, в которой было тесно, как в погребе, а сырые ее стены, когда касались ваших боков, оставляли в память о себе чувство зуда,— несмотря на все эти кошмарные воспоминания, Сергей Степанович осматривал свою новую квартиру весьма и весьма придирчиво.

Высокосанитарные нормы ванной устраивали его вполне. Геометрически причудливые формы крановых изломов приводили его в изумление. Жаль только, что подвела керамика. Слов нет, она была чистая-пречистая, сверкала приглушенно и так прохладно, что ее все время хотелось поглаживать и холить.

Но у нее, черт бы ее взял, был один недостаток, такой тяжелый и значительный, что сердце у Сергея Степановича ныло при одном только виде этой стандартной отечественной керамической плитки. Ведь Сергей Степанович видывал и не такую! Он видывал, случалось, керамическую плитку дивного голубого колера — югославскую, что ли, или, я не знаю, немецкую. Отделанная такой плиткой ванная уже не напоминала простую, скромную туалетно-гигиеническую комнату, где ты выступаешь перед самим собою, так сказать, в самом неприглядном своем виде, то есть, извините, а-натурель. Нет, в отделанной такой роскошной плиткой ванной ты кажешься сам себе царем Аркадским, восточным шейхом, а то и графом Монте-Кристо.

И наш Сергей Степанович вдруг почувствовал в себе такое повелительное хотение иметь такую роскошную плитку, что, мгновенно подавив в себе воспоминания о своей прошлой коммунальной ванной, вышел из квартиры и поехал на работу к племяннику Доставале. Тот выслушал дядю, потом отвел в сторонку и покладисто сказал:

— Ну что ж! Все сделаю! У меня как раз есть тут объектик в моем ведении и подчинении. Не забудьте только: расчет со мной лично... Сообщите официально, когда назначен праздник вашего новоселья. И адресок, значит, чтобы знать, куда доставить интересующую вас вещь... Однако из предосторожности прошу: когда будете получать — погасите свет и тут же зажгите снова. Чик-чик, понятно? Постараюсь сегодня же.

Дядя поехал домой, а племянник сразу же принялся за дело. С кем он говорил? Кого побеспокоил? Кого, так сказать, заинтересовал? И как это делается? Неизвестно. Ничего не известно. Покрыто мраком. Но все-таки факт налицо!

Часов около семи он нанял такси, куда-то съездил, потом, погрузив в багажник пять хорошо сколоченных ящиков, на которых было написано что-то по-немецки, наш почтенный Доставала вложил за упаковочный шпагат несколько слов поздравлений и скоро остановился около сверкающего новизной модернового дома в районе весьма респектабельном.

У подъезда кого-то ждали двое симпатичных молодых людей. Такие славные, улыбчивые симпатяги. Из тех, которые всегда готовы помочь нуждающемуся человеку. Естественно, что нуждающийся именно в таких людях наш Васенька-Доставала в ту же секунду оказался рядом с ними.

— Хотите, ребята, подработать? — спросил он небрежно.

— Очень хотим,— горячо откликнулся левенький из симпатяг.

Правенький не стал ему прекословить. Он был пониже, с бородой. Он только кивнул.

Доставала показал им зажженный, несмотря на не вполне еще опустившийся вечер, оконный свет.

— Тогда так,— сказал он им интимно,— на седьмом этаже проживает некий Сергей Степанович, он нас поджидает. Сечете? Возьмите-ка эти ящики и взволоките-ка их к нему на квартиру. Скажите, от племянника. Вот вам трояк. На двоих. А на закуску от получателя. Засекаете? Привет!

И он сел в машину, потому что славнюги уже трудились. Они вскидывали ящики на плечи. Это были небольшие сравнительно ящики, но тяжелые, заразы. Они аппетитно шлепали, приятным таким полным звуком, когда славнюги их перекидывали туда-сюда. Наконец трудяги тронулись.

— Эх, богатыри...— сентиментально и завистливо прошептал им вслед Доставала.

А те покорно потопали вперед и скоро позвонили в дверь Сергея Степановича, который, прежде чем открыть, сделал светом чик-чик. Машина тотчас же отъехала от модернового дома.

Симпатяги еще стояли в коридоре, а хозяин, Сергей Степанович, уже нетерпеливо вскрывал и обрывал ящичную упаковку. Наконец он вытащил первый, столь долго ожидаемый экземпляр. Голубая, как утро в горах, вожделенная керамика предстала пред его взором. Он схватил ее и поволок в ванную. Прислонил к белой керамике стены. Соперница горела ослепительно, как алмаз.

— Ну, ребята,— сказал сдавленным голосом Аркадского царя обладатель пяти ящиков голубого дефицита, и трясущимися руками он, как это принято у царей, обхлопал свой боковой карман.— Ну, ребята,— повторил он,— получайте! — И бережливыми руками вытащил из внутренней нагрудной кассы три рубля.

— Только-то? — разочарованно спросил правенький трудяга. У него был вконец расстроенный вид.— Это за пять-то ящиков?

Который был маленького роста, с бородой, тотчас же поддержал дружка.

— Тут мало! — сказал он деловито.— Три рубля за пять ящиков, набитых отличной остродефицитной плиткой? Вы что, смеетесь?

Сергей Степанович не любил эксцессов, тем более не любил он высказываний, изложенных в столь резком, скандальном стиле.

— Ладно, не кричите,— сказал он миролюбиво,— магарыч будет. Магарыч с меня, чего уж! Завтра утром приходите ко мне на улицу Вяльцевой, в ресторан Дома легкой музыки. Я там занимаю крупный пост, так что стол будет отличный, икра будет ложками, ну, коньяк и прочее, закачаетесь. В общем, приходите ко мне.

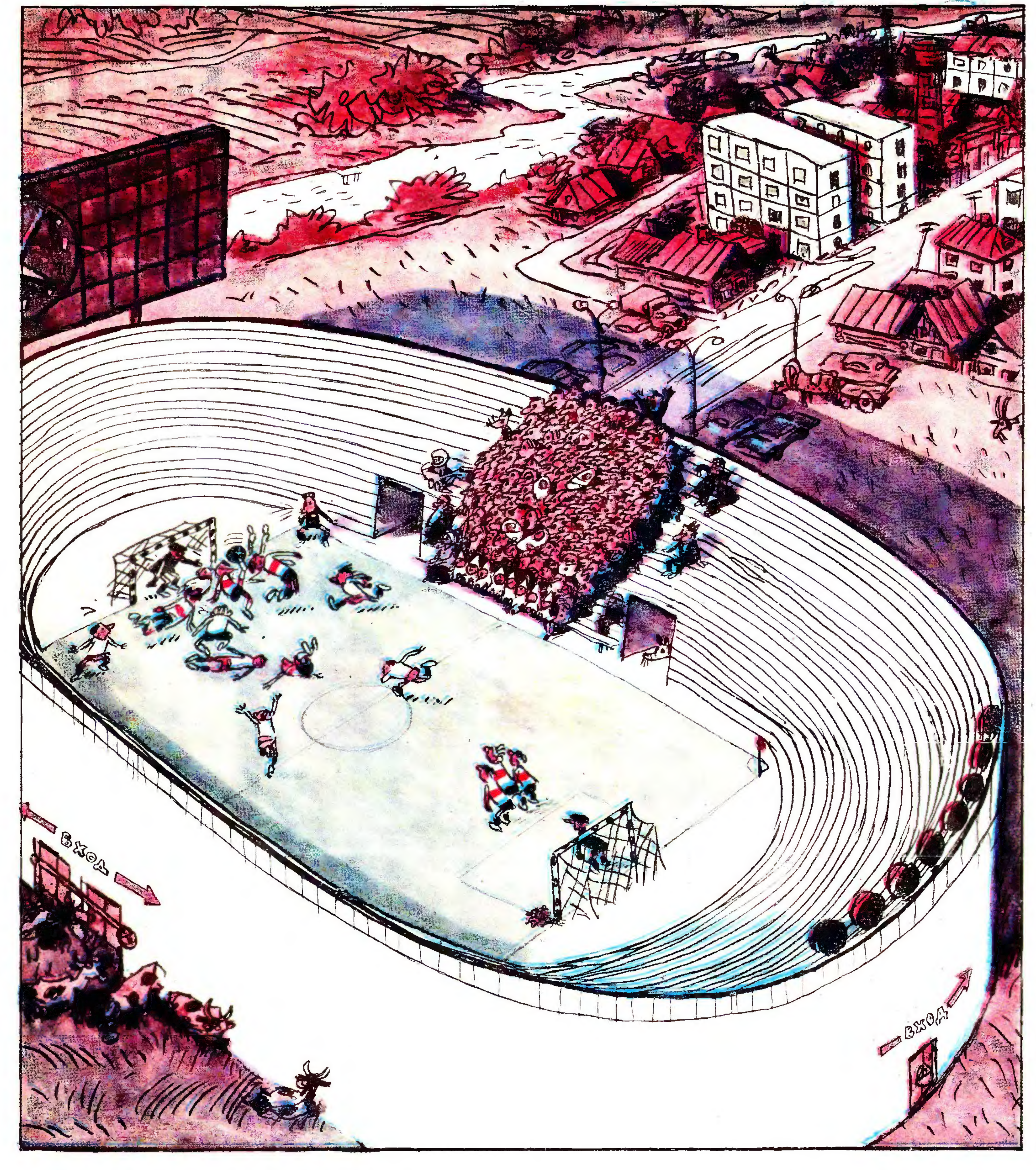
Он в знак прощания протянул им разлапую руку. Но не так-то просто было отвязаться от этих двух славных, симпатичных ребят. Они вдруг обиделись.

— Как! — сказал маленький, с бородой.— Мы к вам? А не лучше ли вы к нам?

У него было надменное, острое лицо.

— Пожалуйте лучше вы к нам завтра в 10 часов утра,— просто сказал высокий.— А племянничек ваш еще раз встретится с вами там же. Давненько уже весь наш отдел хочет с ним познакомиться.

И он протянул Сергею Степановичу маленькую, плотную красную книжечку, на которой очень разборчиво было написано: ОБХСС.

СЕГОДНЯ ВЕСЬ ГОРОД НА СТАДИОНЕ

Рисунок **А. ЦВЕТКОВА**

Герберт
КЕМОКЛИДЗЕ

ПЕРСОНАЛЬНЫЙ СЛОН

В нынешнем году я стал катастрофически расти и достиг двух с половиной метров. Моему отчаянию не было предела. Мальчишки и баскетбольные тренеры преследовали меня по пятам. Один тренер пробрался чуть свет в мою комнату, и я спросонья согласился играть за его команду.

На первом матче я едва не помер со скуки. Стоял возле корзины и закладывал в нее мячи. Это было похоже на конвейер. Болельщики надрывались, а тренер от радости рыдал. У меня же к концу матча укоренилось отвращение к баскетболу.

«Надо сделать так, чтобы меня выгнали из команды», — решил я и напился после игры, как боров. Тренер сам приехал в вытрезвитель. Он сказал, что победителей не судят, и выпустил меня на следующую игру.

Вечером я пошел с одним центровым в ресторан, и мы там учинили дебош. Центрового исключили из команды (его рост был всего метр девяносто), а меня оставили. Тренер сказал, что к каждому спортсмену нужен индивидуальный подход.

В следующем матче мы опять победили. Я решил не ходить на тренировки. Тогда тренер разрешил мне заниматься по самостоятельной программе. После очередного матча я сообщил ему, что мне нужна квартира с высотой потолка четыре метра. В городе было туго с жильем, и я с надеждой ждал отказа. Через день мне принесли ордер.

Я решился на отчаянный шаг. Я заявил тренеру, что мне нужен персональный слон, который возил бы меня на матчи. Тренер всплеснул руками. Я ликовал. Наутро большой индийский слон миролюбиво пощипывал клумбу возле моего дома.

Я смирился со своей судьбой. Смирился с тем, что мне все можно. Два раза в месяц мне привозят зарплату с завода, на котором я никогда не был. Слона кормят в заводской столовой за счет безлюдного фонда. Он гордо трубит, когда везет меня на игру.

г. Ярославль.

СЛУЧИТСЯ ЖЕ ТАКОЕ

У ДВЕРЕЙ РЕСТОРАНА

Лучше бы тридцатого июня вечер в Калинине не наступал. Тогда бы сотрудник уголовного розыска Шмелев, минуя ресторан «Центральный», пошел спать.

Но, к сожалению, наша планета не может резко перескакивать изо дня в ночь, даже по просьбе угрозыска Она движется согласно расписанию; что позволяет калининцам провести два-три вечерних часа в ресторане «Центральный». А уж ресторан, в свою очередь, позволяет им лакомиться фирменным блюдом «Свинина по-тверски».

Скорее всего данная свинина, запеченная в тесто, и поманила Шмелева. Однако между Шмелевым и свининой объявилось препятствие в лице швейцара Лоскутова. Сам швейцар стоял за стеклянной дверью, осуществляя функцию по впуску и выпуску граждан. Увидев Шмелева, одетого по-граждански, он щелкнул замком и стал разглядывать его через стекло.

— Милиция,— сказал сотрудник угрозыска.— Растворяй ворота.

Лоскутов не шелохнулся.

— Какая же вы, гражданин, милиция, ежели от вас сквозь стекло алкогольным напитком пахнет?

— Я Шмелев! — закричал Шмелев, потрясая удостоверением.— Я несу службу!

— А если вы и впрямь из милиции, как вы можете нести службу в таком виде? Вон у вас коленки подгибаются. И глаза по-чудному смотрят. Да от вас любой малоопытный преступник ускользнет.

— Ну погоди же, старикашка, будет тебе торт «Сюрприз».

А через двадцать минут к ресторану подкатил милицейский мотоцикл, и из него выпрыгнули двое в форме.

— Гражданин Лоскутов, немедленно выйдите наружу,— произнес один из них.

Швейцар, увидев, что на сей раз милиция твердо стоит на ногах, с радостью открыл дверь.

— Дорогие вы мои! — бросился он к ним.— Настоящие! Трезвые!

— Чему радуешься, батя?

— Устал я, ребятки. Тут один пьяный лжемилиционер объявился. По фамилии Шмелев. Душу измотал.

— Не пори чепуху, батя. Держи повестку. Шмелев ее, кстати, и написал. Завтра утром явишься к нему в кабинет.

Это и был обещанный Шмелевым сюрприз.

Но швейцар вместо того, чтобы явиться в милицию, не поленился доставить повестку в горком партии. Оттуда позвонили в отдел милиции Новопромышленного района, где трудится Шмелев. С ним побеседовал начальник отдела Романов.

— Тридцатого кушал алкоголь? — спросил он у старшего лейтенанта.

— В понедельник? Ну что вы, товарищ начальник! По понедельникам я кушаю кефир.

— Что же они поклеп возводят! — удивился начальник.— Раз так, Шмелев, ты свободен. Иди работай, следи за порядком.

Э. ПОЛЯНСКИЙ

г. Калинин.

ПРОСТО АНЕКДОТ

— Доктор, скажите откровенно, вы меня вылечите?
— Безусловно. Статистика говорит, что в подобных случаях из ста больных выздоравливает один.
— ???
— Вы как раз сотый, которого я лечу от этой болезни. Остальные 99 уже скончались.

●

Директор зоопарка звонит в полицию:
— У нас сбежал слон...
— Особые приметы? — осведомляется дежурный.

●

— Это ваша машина?
— Частично.
— Как это понять?
— Когда машина вымыта и мотор в полном порядке, ею пользуется моя жена. Когда где-то есть танцульки — дочь. Если футбольный матч — на ней мчится мой сын.
— А когда машина ваша?
— Когда ее надо везти ремонтировать.

●

В большом универмаге торжественно ожидают миллионного покупателя. Входит женщина. Все бросаются к ней, ей протягивают колоссальный букет цветов, передают подарки. Подбегает телерепортер:
— Простите, сударыня, что вы, собственно, хотели купить в универмаге?
— Видите ли... я ведь пришла не покупать... Я хотела подать жалобу на то, что вчера меня очень плохо обслужили!

●

Молодой отец явился в родильный дом за женой и ребенком. Няня вынесла трех близнецов. Он посмотрел на них и сказал:
— Если вы не возражаете, мы возьмем того, что в середине.

●

— Я вижу, господин директор, что вы купили нового Рембрандта?
— Да, это было необходимо. Тот Рембрандт был уж очень стар.

●

— Официант, бифштекс такой горячий, что я есть его не могу!
— А вы подуйте...
— Гм!.. Боюсь, что сдую его с тарелки...

●

Молодого писателя с женой пригласили на званый вечер. Она была предметом общего внимания, мужчины наперебой хотели танцевать с ней.
— Она очаровательна,— сказал хозяин дома,— а ее платье — это настоящая поэма.
— Не одна поэма,— ответил молодой писатель,— а 16 поэм, пять коротких рассказов и три статьи.

●

«Заведующий хозяйством т. Постников систематически нарушает трудовую дисциплину, часто на работу приходит в выпившем состоянии.

14 и 20 марта с. г. на работу явился совершенно пьяный, а 21 марта — с тяжелого похмелья.

Приказываю: Поскольку т. Постников имеет несколько взысканий, в том числе строгий выговор с предупреждением, нового наказания ему не выносить».

Прислал В. Пятижерцев.
Якутская АССР.

«Я, Овсянников, находившись в состоянии небольшого опьянения в количестве трех человек, устроил небольшой беспорядок».

(Из объяснительной записки.)
Копию сняла А. Воробьева.
г. Углич.

«Телят можно увидеть всюду. А сквер кинотеатра «Рассвет» стал для них местом прописки. Ни у работников кинотеатра, ни сельского Совета не хватает смелости этих телят привлечь к административной ответственности».

(Газета «Коммунист».)
Красноармейский район, Приморского края.

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАЕШЬ

«Фабрика обслуживает население 38 пунктов с обхватом 415 тонн заказчиков».

Записал со стенда фабрики-прачечной № 15 Г. Троскин.
г. Ленинград

«За допущенные грубые ошибки и игнорирование их, не исправление, а наоборот допущение неисполнения в сторону улучшения прораба Марченко В. Г. понизить в должности».

(Из приказа.)
Прислал А. Иванов.
г. Актюбинск.

«В связи с продолжением строительства новой бани старая не работает».

(Объявление на здании бани № 10.)
Прислал В. Дрозд.
г. Одесса.

КОЛЛЕКТИВ БАНИ В АВГУСТЕ
МЕСЯЦЕ БОРЕТСЯ ЗА 16 ТЫСЯЧ
человекопомывок

Прислал В. Шумченко.
г. Новокузнецк. Баня № 1.

Фото Б. Озерова.
г. Александрия, Кировоградской обл.

Тимер АРСЛАН

КОВРЫ-КОВРИКИ

У Аскап-енгэ дела, дела:
вновь с утра скамейку заняла —
и сидит, развесив вдоль двора
коврики и три больших ковра.

Вешай их любою стороной,
каждый коврик, словно луг весной!
Жмурится и щурится Аскап:
целый век смотреть на них могла б!..

В час пятнадцать, худощав и сед,
муж домой приходит на обед.
Главный инженер Янбек-агай
пьет кефир, потом — холодный чай.

Нет ни мяса в доме, ни крупы —
некогда жене варить супы.
Инженер не голоден, ни сыт...
Но зато какой в квартире вид!

Сам хозяин с трепетом, ей-ей,
в комнаты заходит, как в музей:
к вечеру, в серебряном огне,—
на полу ковры и на стене;
складки штор струятся сверху вниз,
за сервизом высится сервиз;
телевизор, кресла, канапе,
пианино, люстры и т. п.

Поглядев на спальный гарнитур,
инженер уходит, тих и хмур,
и до ночи чертит в полумгле
чертежи на кухонном столе.

Старый тюфячок прижав к столу,
спит его супруга на полу.
Муж, сыскавши черствый ломоток,
пьет из кружки ржавой кипяток.

Полночь бьет... Янбек-агай устал.
В санузле листает он журнал
и, как приучился с давних пор,
раскладушку ставит в коридор.

«Чертовы ковры! — ворчит опять.—
Из-за них ни пить, ни есть, ни спать!»

Перевел с башкирского **В. КОРЧАГИН.**

по тому же поводу...

«НЕ УЧТЯ»

В № 16 «Крокодила» была напечатана под таким заголовком заметка о стульях, создаваемых мебельщиками города Хмельника, Винницкой области. Высказывалось подозрение, что стулья эти выпускаются для борьбы с ненужным заседательством, потому что на них не очень-то позаседаешь — разваливаются стулья.

На эту заметку откликнулась группа народного контроля фабрики, и сделала она это с возмущением.

Нам предложено, во-первых, назвать хоть один магазин, в котором продан хотя один некрепкий хмельникский стул, а во-вторых, предложено извиниться и поместить опровержение.

Извиняемся. Помещаем опровержение.

Мы предполагали, что свой зал для заседаний фабрика обставила своими же противозаседательными стульями. Мы ошиблись. Стулья там другие, хотя бы по качеству. Ведь сумела же группа народного контроля обсудить, сидя на них, заметку.

Стулья эти продавались хотя бы в городе Кадиевка, в мебельном магазине № 58.

А председатель группы народного контроля Хмельникской фабрики Филиппович может съездить хотя бы в Первомайск, Луганской области, по адресу: улица Шевцовой, дом 7/6, к Ольге Ивановне Карапке по ее приглашению.

У Ольги Ивановны семь хмельникских стульев. Если председатель Филиппович сядет на стул, положит руку на сердце и скажет, что ему хорошо сидится, то Ольга Ивановна оплатит ему командировку. А если он положит руку на сердце, но не скажет этого, то пусть скажет что-нибудь другое.

«ТЕМНАЯ РЕЧКА КЛЯЗЬМА»

Клязьма — это стерлядь, судак, щука, язь, голавль, линь и так далее. Огромного размера рыбины. Чистейшая вода. Чуть ли не любая дичь на берегах. Лучших мест для отдыха и не надо!

Но все это было когда-то. А теперь вот читаем в № 25 фельетон, который называется «Темная речка Клязьма».

Да, теперь чай во Владимире (а вода в водопроводе из Клязьмы) невозможно пить без лимона, хоть как-то отшибающего неприятный привкус. Что там говорить о рыбе или дичи, если даже бабочки и стрекозы не выдерживают одного только запаха некоторых речек у нас на Владимирщине!

Взять, к примеру, город Меленки на Унже. Льнокомбинат «увкуснил» речку так, что водопровод в городе вроде бы теперь и не нужен стал. Почти возле каждого дома жители колодцы выкопали, чтобы чистую воду иметь.

И между прочим когда-то Владимир гордо именовался Владимиром-на-Клязьме. А теперь мы стесняемся его так называть. Стыдно за эту самую Клязьму!

В. ФОНАРЕВ

КРОКОДИЛ ПОМОГ

«САМОУРЕЗАЛСЯ...»

Председатель Володарского районного комитета ДОСААФ Ф. Логвинов был ищущим организатором. В подведомственной ему организации он внедрил рациональное новшество: сборщикам взносов не надо было ходить собирать деньги и наклеивать марки. Все было до чрезвычайности упрощено. Тов. Логвинов собственноручно вкладывал в пакет марки и отправлял его в колхозы и совхозы. А взамен получал деньги.

И таким образом число членов ДОСААФ он довел до фантастической цифры. Например, в колхозе «Заветы Ильича» их оказалось намного больше, чем всех колхозников.

Обо всем этом читатели узнали из фельетона «Самоурезался...», опубликованного в № 13 «Крокодила».

Как сообщил нам заместитель председателя ЦК ДОСААФ СССР тов. А. Грачев, чрезмерная инициатива Логвинова была осуждена на президиуме обкома ДОСААФ. Тов. Логвинов строго предупрежден.

«ВЫ УЖ ИЗВИНИТЕ...»

Ишимские автоинспектора прилежно задерживали водителей, нарушавших правила уличного движения, и получали за свое служебное рвение не благодарности, а выговоры. В тех случаях, когда нарушителями оказывались не рядовые шоферы, а граждане служебным рангом повыше.

Таково было содержание фельетона Д. Ясиновского «Вы уж извините...» (№ 17).

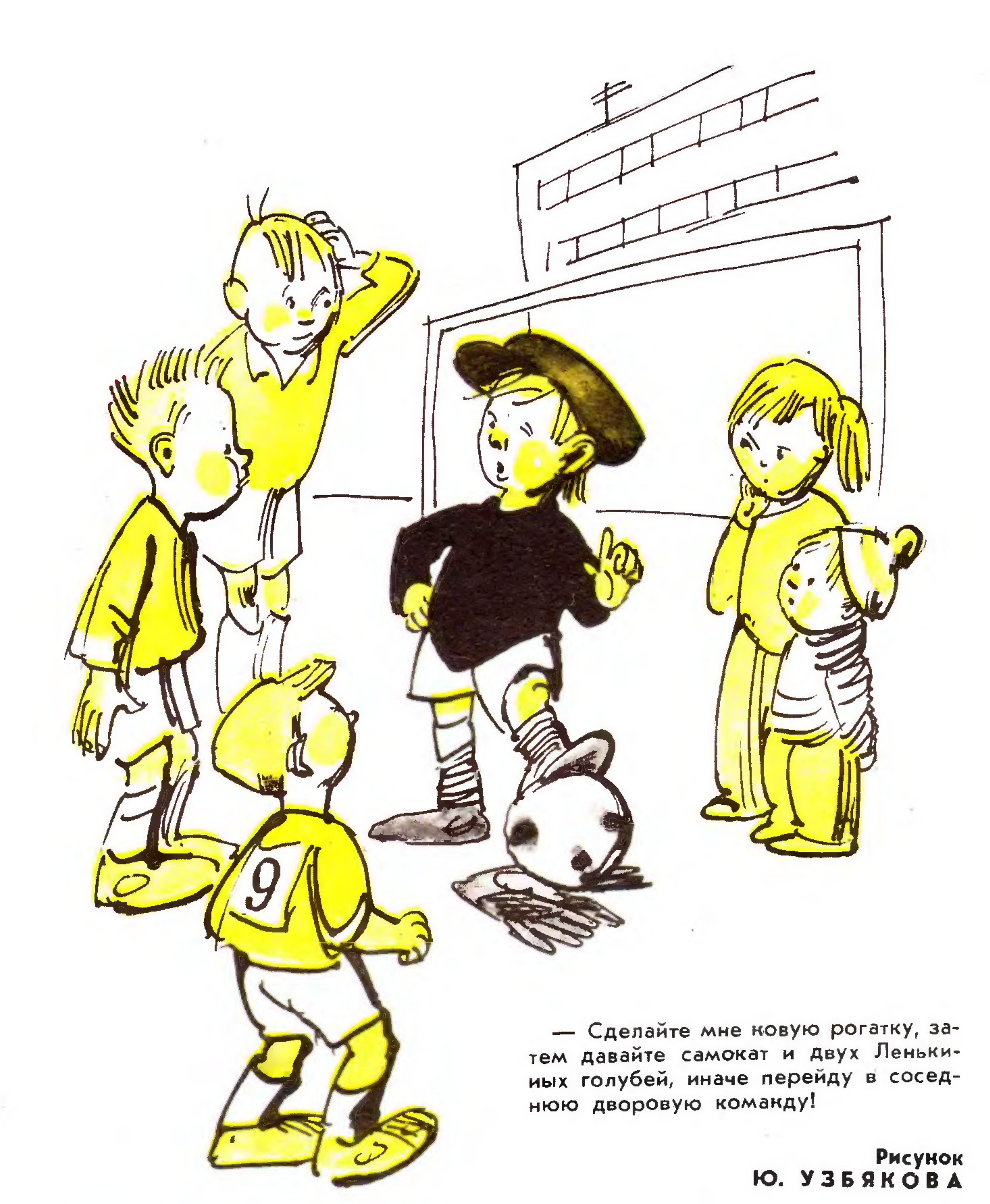
Начальник Тюменского областного управления внутренних дел тов. Рытиков сообщил редакции, что факт подтвердился. Начальник Ишимской госавтоинспекции майор милиции А. А. Цуканов понижен в должности, а начальник Ишимского отдела внутренних дел подполковник милиции В. Д. Акиньшин строго предупрежден.

На заседании коллегии областного управления рассмотрены меры по улучшению организации безопасности уличного движения.

«ТОЛЬКО ДЛЯ МУЖЧИН»

В «Крокодиле» № 23 была помещена одноименная заметка о том, что двери ресторана «Россия» в гор. Ульяновске открыты только для мужчин. «С мужчин выручка больше, они напитки разные заказывают»,— мотивировала такое свое распоряжение дирекция ресторана.

Как сообщила редакции начальник управления общественного питания Министерства торговли РСФСР тов. Соболева, заметка была обсуждена на общем собрании работников ресторана. За нарушение правил обслуживания посетителей директор ресторана Калодин М. В. от занимаемой должности освобожден.

— Сделайте мне новую рогатку, затем давайте самокат и двух Ленькиных голубей, иначе перейду в соседнюю дворовую команду!

Рисунок Ю. УЗБЯКОВА

— Познакомься, золотая рыбка,— моя новая старуха.

Рисунок М. БИТНОГО

КРОКОДИЛ

№ 29 (1931)

ГОД ИЗДАНИЯ СОРОК ВОСЬМОЙ

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

журнал выходит три раза в месяц

Темы рисунков этого номера придумали: М. Битный, М. Вайсборд, А. Грунин, Г. и В. Караваевы, Ю. Перепелкин (г. Саратов), И. Сычев, В. Тильман, Ю. Федоров, Ю. Черепанов, А. Чикарьков, Е. Шабельник.

НАШ АДРЕС: МОСКВА А-15 БУМАЖНЫЙ ПРОЕЗД Д. 14

ТЕЛЕФОНЫ: 250-10-86, 253-34-37

Главный редактор — М. Г. СЕМЕНОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

А 00206. Подписано к печати 10/X 1969 г. Формат бумаги $70\times108^1/_8$. Объем 2,80 усл. печ. л. 4,54 уч.-изд. л. Тираж 5 500 000 экз. (1 завод: 1—4 454 500). Изд. № 1455. Заказ № 2754.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена номера 12 коп.
Индекс 70448